

Сергей
САМАРОВ

ДЕСЕРТ для серийного убийцы

ЭКсмо

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Десерт для серийного убийцы

«Автор»

Самаров С. В.

Десерт для серийного убийцы / С. В. Самаров — «Автор»,
— (Спецназ ГРУ)

Запутанное дело досталось частному детективу Толстову – жена-наркоманка пристрелила мужа-хакера; нанявший детектива клиент явно темнит; в квартиру убитого зачем-то влезает известный вор-`домушник`... А тут еще и выборы в Госдуму на носу, да и серийный убийца Леший оживился и начал снова терроризировать город. Толстов вскоре догадывается, что все эти события – звенья одной цепи. Однако что может быть общего между маньяком, хакером и кандидатом в депутаты?.. Альтернативное название - "Стрельба в невидимку".

© Самаров С. В.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Самаров

Десерт для серийного убийцы

Глава первая

1

Пружина на входной двери райотдела милиции была такой мощной, что попасть с улицы внутрь удавалось только физически сильным людям. Сама же дверь была застеклена, причем таким сортом стекла, как «иней», – сквозь него угадывался лишь силуэт посетителя.

Стояло тихое осеннее утро. Дежурный капитан зевнул. Он готовился к рапорту и, водя пальцем по строчкам, перечитывал рапортную сводку, прежде чем передать ее другому дежурному – по городу. Капитан вчера поругался с женой, уходил из дома второпях, хлопнув дверью, и забыл взять очки, а потому держал сейчас лист далеко от себя – дальнороркость хренова с возрастом пришла. Это мешало вникнуть в суть документа, приходилось излишне напрягаться, и он не сразу заметил за стеклом двери тень. Но звук – словно кошка скребется – услышал и поднял глаза. Кто-то пытался дверь открыть, но это, само собой, ему не удавалось. Тогда неизвестный «кто-то» замер и стал терпеливо ждать – правда, непонятно чего.

Капитан опять зевнул и толкнул ногой задремавшего сержанта-помощника. Тот даже не пошевелился. В утренние часы, известное дело, сон самый сладкий. Капитан толкнул посильнее и позлее. Ему тоже невыносимо хотелось спать, и чувство зависти явно придало толчку энергичности.

– Посмотри, кто там за дверью?

– Ба-ба... – членораздельно сказал, приоткрыв один глаз, сержант.

– Откуда знаешь?

– Приснилась, говорю, та-акая баба!.. – сержант встал, открыл второй глаз, потянулся и вышел из «дежурки», покачивая широченными, как армейский оружейный шкаф, плечами.

Он открыл дверь изнутри и выглянул наружу, потом буркнул:

– Я же говорю – баба. Заходи, чего, дура, мерзнешь...

С утра на улице было и в самом деле сыровато и холодновато. Сержант даже сквозь полудрему это тоскливо почувствовал.

Вид молодой женщины привлек внимание капитана сразу. И он тут же сообразил, что районную сводку придется дополнять. Что-то с женщиной стряслось – длинная куртка распахнута, под ней – только легкая майка и джинсы. Как попало накинутый шарф. Под глазами отеки – то ли ото сна, то ли от слез. Тушь с ресниц размазана по острым скулам. Блуждающий взгляд не все понимает. Одна рука – в кармане, вторая нервно дергает ползунок на замке-молнии курточки – того и гляди оторвет...

Женщина подошла к кабинке, где сидели менты, минуту смотрела сквозь ограждение из органического стекла, потом наклонилась к просверленным отверстиям – своего рода переговорному устройству между посетителями и обитателями «дежурки». Но ничего произнести долго не могла.

Капитан устало откинулся на спинку кресла. Он давно отвык на своей службе от сочувствия – слишком это много отнимало душевных сил, и потому спросил холодно, по-деловому:

– Ну-ну, что с тобой случилось?..

– Я... Я... – губы дрожали.

– Что – «ты»?..

– Я мужа убила...

И женщина вдруг достала из кармана пистолет.

Сержант, который не успел еще вернуться к себе за ограждение и продолжить просмотр души и еще что-то будоражащих снов, проявил завидную реакцию: бросился на женщину, тренированным ударом выбил пистолет из слабой руки, а саму руку мастерски завернул за спину, отчего посетительница согнулась и чуть не упала. Но сопротивляться и даже стонать от боли не стала – словно ничего не почувствовала. Более того, капитан заметил, что у женщины даже взгляд не изменился – она словно спала наяву.

Капитан понял без подсказок – наркоманка. Судя по состоянию, у нее вот-вот начнется ломка. А это, знал капитан, снова потребует от него каких-то действий.

– Отпусти ее, – скомандовал он. – Поднимай «тревожную группу», пусть проверят.

– А что тут проверять? – удивился сержант, отпуская посетительницу и поднимая с пола двумя пальцами – чтобы отпечатков лишних не оставить – пистолет. – Сама же сказала...

– Ты что, не видишь, в каком она состоянии?.. Наркота... Наркоману что угодно привидеться может. Пусть проверят. А то домой к ней придут, а «мертвый» муж им дверь откроет! Нас же на смех поднимут. В любом случае, убийствами пусть горотдел занимается. Нам, сам понимать должен, крупнее семейных скандалов ничего не надо, – он вытянул руку и сам нажал кнопку вызова «тревожной группы». – Подъем, братва! На выезд!

Капитану очень нравилось называть этих ребят «братвой». Да он к тому же и лучше других знал, как много правды в подобном обращении.

– Свиридов, – намекнул капитан дежурному следователю, – если там все ясно, может, в город дело и не передавать? Посмотри, сориентируйся... Убийство, раскрытое по горячим следам... Нам только плюс будет, верно?

– Посмотрим... – сурово сказал Свиридов и положил в карман колоду игральных карт. «Тревожная группа» за ночь выезжала только дважды. В остальное время парни играли в «храпа». Следователь умудрился проиграть четверть вчера только полученной зарплаты и потому был зол, как собака.

2

Скучно на работе бывает не только иногда трезвым сторожам на пустых складах простаивающих предприятий, но и частным сыщикам. Могут говорить об этом откровенно и обоснованно, не опасаясь, что коллеги на меня подадут в суд за клевету.

Я сидел и, естественно, скучал у себя в кабинете, перекладывая на столе с места на место бумаги, в которых надобность уже отпала – по причине неплатежеспособности недавнего моего клиента. Еще бы – если на человека объявлен всероссийский розыск, то ему, понятное дело, трудно бывает заплатить. Без стука и даже без скрипа открылась дверь и вошел Лева Иванов, отставной ментовский подполковник, а ныне – мой уважаемый шеф и директор частного детективного агентства «Аргус».

– Серега, насколько я понимаю, отставному майору спецназа ГРУ положено знать если не все, то многое из такого, что простым смертным может совсем не понадобиться в жизни... – он уселся в кресло для клиентов, сразу став ниже ростом и совсем не похожим на начальника.

– Предположим, – я пока не понимал, к чему он клонит.

– У меня вот, представь себе, возникли проблемы дома. Внучке принесли ежа – подарили, чтоб им самим, этим дарителям, ежовой щетиной поизрасти... А он не хочет ничего есть. И вообще из-под кровати не выбирается. Только ночью чуть-чуть потопчется по комнате – и назад. Даже молоко не пьет. Может, болеет?

Вопрос, надо сказать, достойный моей нынешней должности! Но и честь мундира отставного спецназовца поддержать хочется.

– А это еж или ежиха? – хитро спросил я в соответствии с этим скромным желанием.

– А кто ж их разберет? – озадачился Лева и стал чем-то отдаленно похож на роденовского «Мыслителя».

Здесь он, голубчик, и попался, потому как я слышал, что только еж может отличить ежа от ежихи.

– Вот узнай, а потом приходи, поговорим...

– А где узнать?

– Ты, похоже, пенсию свою ментовскую не заслужил, если меня об этом спрашиваешь. Тоже мне, розыскник...

Вот так – красиво и категорично. И пусть сам разбирается с этими колючками. Я же в доме, кроме кошек, никого сроду и не держал.

– Ладно, – Лева, похоже, расстроился. – Да, к тебе сейчас клиент подойдет. Я его на тебя «расписал», чтобы у тебя пролежней на спине не образовалось... Он сейчас в бухгалтерии. Аванс оплачивает.

И шеф ушел.

Надо же так... Нехорошо получилось. Человек ко мне – со всей душой, даже работу, а следовательно, и дополнительный заработок подогнал, а я его чуть ли не матом...

В дверь поскреблись. Я догадался, что это не ежик Левы Иванова, и пригласил:

– Да-да. Войдите, – и включил диктофон.

Клиент оказался молодым человеком лет двадцати пяти – двадцати восьми. Вот его портрет: подслеповатые глаза за толстыми стеклами очков избегают смотреть прямо, но это, как мне показалось, не от нечестности, а от неуверенности в себе. А в целом – ничуть не примечательное лицо. И ничего не выражающее, кроме той же неуверенности. Однако, при всей невзрачности, лицо запоминающееся.

– Здравствуйте. Меня к вам направили. Моя фамилия Осоченко, – и он протянул мне корешок от приходного бухгалтерского ордера.

Я показал рукой на кресло и взял корешок. Каждое дело обычно начинается именно с этой невзрачной бумажки, которую следует просмотреть и вернуть клиенту. А потом отрабатывать оплаченную им сумму. Как правило, отработка эта бывает довольно нудной. Чаще всего в детективное агентство обращаются люди с просьбой собрать сведения или о конкуренте, или о предполагаемом компаньоне – чтобы не обжечься в каком-то деле.

– Итак?

– А я уже вкратце рассказывал вашему директору... – начал он, словно школьник, не выполнивший домашнее задание.

– А теперь расскажите мне подробнее, – перебил я. – И смелее, молодой человек. Сегодня я сыт и клиентов съедать не собираюсь.

Терпеть не могу, когда мямлят.

– Вчера убили моего друга... – и долгая пауза.

Неужели не мог отрепетировать свою вступительную речь перед тем, как сюда прийти?

– Милиция что говорит?

– Ничего пока.

– Где убили?

– Дома.

– Убийца?

– Вот в этом-то все и дело...

Теперь и ежику понятно. Тому самому, который у Левы Иванова молоко пить не желает. Просто – все по полочкам разложено. Оказывается, дело в убийце. Послушаем дальше – может, и еще что новое узнаем?

– Понимаете, он сам редко кололся, а жену колотья заставлял...

– Убийца?

– Нет, убитый. Нравилось ему смотреть, как Санька «плавает» от укола. Так и позавчера вечером было. А вчера утром она пришла в себя после дозы... Сидит в кресле, в руках – пистолет... А на полу – Валентин валяется. С простреленной головой. Сама она ничего не помнит.

Опять долгая пауза.

– А дальше? – вынужденно подогнал его я.

– Она пошла в милицию. У них райотдел – рядом, через дорогу. И сказала, что мужа убила. Ее арестовали.

Теперь я паузу поддержал. Мое скудоумие – что сделаешь, от природы я такой! – не позволило мне сразу сообразить, чего же хочет от меня настойчивый посетитель в таком ясном деле.

– Санька не могла это сделать, – сказал Осоченко наконец, словно Рубикон перешел.

Вот так. Теперь все ясно. Или почти все...

– Вас как зовут? – спросил я.

– Осоченко.

– А имени у вас нет?

– Есть. Гоша, – он покраснел и опять отвел глаза. Ресницы его при этом замигали так часто, словно в глаз бревно ветром занесло.

Должно быть, не любит свое имя.

А у меня, кстати сказать, уже включилось «зажигание», и проявилась просто необыкновенная страсть к работе. Я старался быть вежливым:

– Гоша, я понимаю, что вы по каким-то причинам переживаете случившееся, принимаете все это близко к сердцу. Но давайте сразу договоримся – вы заплатили деньги с определенной целью. Я пока не понимаю, с какой именно. Поставьте мне конкретную задачу, а потом я буду задавать вам вопросы. Так у нас разговор получится более членораздельный. Итак, чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы доказали невиновность Саньки, – как ни странно, понял он все же мой вопрос. И даже сумел сказать фразу достаточно твердо.

– Но она сама призналась?

– Она ничего не помнит. Она же была под кайфом...

– Хорошо. А откуда у вас уверенность, что она не могла этого сделать?

Теперь клиент задумался на пару минут.

– Я их очень хорошо знаю. Знал, то есть... Его – знал, ее – знаю... – он явно запутался во временных окончаниях. – Мы в одном классе учились и до сих пор дружим. Дружили, то есть... Она любила его...

– Это еще ничего не значит. Наркотики существенно меняют психику человека.

– Она не была конченной наркоманкой... И потом, когда она пришла в себя, дверь квартиры была открыта...

– Но, как я понимаю, ваша уверенность основана исключительно на предположении? А о чем говорят факты? Вы познакомились с милицейским протоколом?

– Нет... – смутился он.

– Поймите, я могу этим делом заняться, но давайте сразу договоримся конкретно, чтобы потом недомолвок не было и взаимонепонимания, хорошо? Вы ставите мне задачу доказать ее невиновность. Я знакомлюсь с материалами дела и только после этого уже смогу вам ответить – есть ли хоть какая-то возможность отвести от Саши подозрения. Если нет – то я ничем помочь вам не смогу.

– Хорошо... Я так и думал.

– Договорились. Еще один вопрос. Вы также хотите, чтобы я нашел убийцу, если это не она?

– Нет. Этим пусть занимается милиция. Я не настолько богат, чтобы все оплачивать.

Странно, но в его глазах я вдруг уловил железную непоколебимую твердость. И эта твердость как-то не вязалась с тем первичным впечатлением, которое я составил о Гоше Осоченко. Похоже, парень жадноват. Впрочем, эту фразу – «я не настолько богат» – говорит каждый второй клиент, и я к ней уже привык. И не каждый из них достаточно жаден. Проверено.

– Но, вероятно, поимка настоящего убийцы, если он существует не только в вашем воображении, будет единственной возможностью доказать невиновность жены убитого. Как тогда?

– Тогда – да...

Я протянул руку под стол и выключил диктофон. Предварительный разговор закончен, пора приступить к предварительному расследованию.

3

Как правило, «по степени тяжести» убийства не расследуются райотделами. Такие дела уходят или в городское управление, или же сразу в областное, или вообще с разбегу в следственный отдел ФСБ, что автоматически ставит их на контроль Генеральной прокуратуры.

Для начала я набрал телефонный номер горотдела.

– Мне нужен Лоскутков, – на начальственный тон здесь реагируют адекватно, поэтому я всегда стараюсь говорить с интонациями крупного и толстого руководителя, когда звоню в отдел, ведающий убойными делами. Стопроцентный вариант.

– Минутку.

Раньше, бывало, когда я сначала называл себя, мне приходилось ждать минут по пять. Сейчас Лоскутков взял трубку почти сразу. Прокашлялся прямо в микрофон, чтобы уши мне хорошенько прочистить, и только после этого хмуро рявкнул:

– Слушаю.

– Здравствуй, майор.

– Привет, майор.

Это традиционное наше приветствие. Не в лучших традициях литературного русского языка, но слушающий такое приветствие поймет, сколько пренебрежения мы вкладываем в звание друг друга.

– У меня к тебе вопрос. По вчерашнему убийству. Жена застрелила мужа. Знаешь?

– Слышал.

– Дело – у тебя?

– Ты что? Оно же раскрыто по горячим следам! Нам его и не передавали. А что тебя интересует?

– Все. Я с ребятами из райотдела почти незнаком. Ты не можешь походатайствовать за меня, чтобы дали возможность в материалах поковыряться?

– Пожалуйста. Позвони через пять минут.

Я успел заварить себе чай и с мстительным чувством даже переложил лишку сахара. Мстительность – это оттого, что сам майор Лоскутков на чайную чашку обычно кладет целую совковую лопату сахара. А поскольку он сейчас далеко и до моей сахарницы ему не дотянуться, то я имею полное право над ним понасмехаться.

Он позвонил сам.

– Поезжай в отдел. Я договорился. Ты вообще-то чем сейчас занимаешься?

– Чай пью, – сказал я невинно, вроде бы между делом, но со вкусом. – Только вот сахара по ошибке переложил. Ты же знаешь, я слишком сладкий не люблю. Но придется пройти через все муки, не оставлять же его недопитым. Такого мне моя жадность не простит.

Лоскутков сделал вид, что ему пора ложиться в госпиталь – слух совсем пропал.

– Про Лешего слышал?

- Слышал.
- Ничего интересного сказать не имеешь?
- Что будет, сообщу.

– Ладно. Оставь сахарку на мою долю. У нас сейчас весь отдел на ушах стоит. Но, может, выберу вечером время, заскочу... – и он положил трубку.

На ушах они стоят, как я догадался, из-за Лешего. Есть из-за чего постоять. Есть из-за чего на ушах даже мозоли натереть, если стоять придется достаточно долго.

Лешим городские газеты прозвали серийного убийцу, который наводит страх на парочки, желающие «отдохнуть» в автомобиле на окраинах городского соснового бора. Если не было подходящей свободной квартиры, то подобные парочки ехали в городской бор. Ставили машину где-нибудь среди зарослей. Там Леший и подкарауливал их. Он убивал обоих – и мужчину, и женщину. Мужчину просто убивал, без затей – и, похоже, без злости. А вот над убитой женщиной еще и издевался – кромсал ножом тело, лицо, разрезал рот так, что губы становились лоскутьями, распарывал живот. Но, самое интересное, не насиловал. Впрочем, это-то как раз и говорит о том, что действует маньяк.

Типичный маньяк. Первый случай произошел три года назад. Тогда женщина была одна. И не было машины. Убийство произошло ночью, жертва была сильно пьяна. К «серийным» дело отнести, естественно, было еще нельзя, хотя сами садистские методы убийцы заставляли задуматься о его вменяемости. Предполагали месть, состояние аффекта. Повторения, по правде говоря, не ждали. Всегда думается, что маньяки появляются где-то там, в стороне. Два года назад преступление повторилось уже трижды, хотя и с большими перерывами. Теперь присутствовали пары. Почерк постепенно выкристаллизовался. Одним из убитых оказался милиционер, у которого Леший позаимствовал пистолет. Тогда газеты и начали поднимать шум. В прошлом году бор казался тихим и безопасным. Думали, что маньяк исчез. А за последний месяц – снова три случая. С интервалом в два дня. И ментовка, и ФСБ бегают сломя голову, пытаются что-то выискать. Но, насколько мне известно, имеют они в наличии только частицы кожи под ногтями последней жертвы, отпечаток башмака (похоже, армейского образца) и проржавевшую опасную бритву со следами крови. Однако Леший действовал, как я слышал, ножом. Только однажды воспользовался пистолетом. Тем самым, милицейским. Так что бритва вполне может принадлежать другому маньяку.

Глава вторая

1

Дверь районной ментовки с превеликим трудом поддавалась моим усилиям. Но все же я справился – пригодились годы изнурительных, до последней капли пота тренировок. А оказалось, что столько труда прилагал напрасно. «Уголовный розыск располагается в соседнем здании», – сообщил мне суетливый дежурный капитан с гноящимися глазами.

– А чего тебе там надо? – спросил капитан и почесал погон, словно между звездочек у него в футбол играли блохи, а он, как старший по званию, их матч судил.

– Инспекторская проверка... – ляпнул я, и капитан вытянулся, начисто забыв про футбольный матч.

Вышел я из здания легче, чем вошел, и сразу сообразил, где расположилась районная «уголовка».

Там меня уже ждали.

Почти абсолютно лысый опер, по ехидству судьбы-злодейки носящий фамилию Кудрявцев, выглянул между двух стопок бумаг, по высоте равных тумбочкам того стола, на котором их расположили, и показал мне на стул. Мебель в районной «уголовке» еще похуже, чем у нас в агентстве. По крайней мере, в моем кабинете имеется хотя бы одно мягкое кресло – для клиентов. Здесь же я сел с великим сомнением в прочности столярного изделия, чей испуганный скрип подтвердил обоснованность моих страхов. Но начало стул все же выдержал, и я слегка осмелел.

– А что тебя вдруг это дело заинтересовало? – спросил Кудрявцев, с увлечением, достойным школьника, ковыряя толстым пальцем в узенькой коробке для скрепок. Палец туда явно не помещался, и ему пришлось вытряхнуть в ладонь все содержимое, чтобы достать только одну, а остальные – сыпать назад в коробочку. – Дело абсолютно простое. Все там ясно. Признание, явка с повинной, на пистолете – только ее отпечатки...

– Оказывается, ясно не для всех... – вздохнул я и парой фраз передал суть заказа Гоши Осоченко.

Кудрявцев пожал плечами и усмехнулся.

– Грызи гранит, Пинкертон...

Затем вручил мне не слишком объемистую папку.

«Грызут гранит», насколько я помню знаменитое изречение основоположника научного коммунизма, исключительно тогда, когда изучают науки. Но Кудрявцев – человек еще достаточно молодой и, возможно, марксизм-ленинизм в период получения образования не изучал. Потому я простил ему сие высказывание молча. Но не простил «Пинкертона». Не люблю, когда меня обзывают...

Что ж, я принялся «вгрызаться» в материалы уголовного дела. И тут же убедился, что все дело даже не белыми нитками шито, а просто стянуто паутиной. Может от порыва ветра развалиться – по листочку. И мне придется начинать все сначала...

– Интересно получается, – сказал я, подумав. (Я тебе, мать твою, покажу Пинкертона!) – У этой Александры Владимировны Чанышевой адвокат уже есть?

– Пока еще нет. Назначат... – равнодушно ответил Кудрявцев, тщетно пытаюсь достать из коробочки вторую скрепку. Сложнейший, похоже, производственный процесс. Никак не может освоить технологию. Готов поспорить, что он снова через минуту вытряхнет все скрепки на ладонь, чтобы достать только одну.

– А если этот ее друг, который нанял меня, наймет и адвоката? Хорошего... Умного... Такие иногда, честное слово, тоже бывают.

– Ну и что?

– Ничего. Только любой нормальный адвокат запросто уговорит клиентку отказаться от своих показаний. Просто расскажет ей, что такое зона и с чем клиентку там съедят. Со всем адвокатским красноречием расскажет, с мелкими и характерными деталями. Она и откажется. Прямо на заседании суда. И тогда все эти бумаги, – я приподнял тоненькую папочку, – ты смело сможешь выбросить на помойку.

Кудрявцев поднял на меня удивленные глаза:

– А зачем ей отказываться?

– А зачем ей садиться?

– Она же сама пришла...

– Под воздействием «дури». С дурной головой и не то еще может случиться, сам, наверное, знаешь. Это хуже, чем с похмелья...

Он, наконец, понял, что я не шучу. Но не понял, что это моя месть за Пинкертона.

– И что посоветуешь?

– Вести нормальное расследование.

– Легко сказать... – Кудрявцев вздохнул. – На меня на одного столько дел навешано... Тройная норма. У других – то же самое. А тут еще нас подключают к розыску этого Лешего...

– Дело твое, – сказал я и поднялся. – Но все же одну вещь ты сделать должен обязательно.

– Какую?

– Проверить пистолет.

Судя по показаниям Александры Владимировны Чанышевой, этот пистолет Валентин купил только за месяц до собственного убийства. Купил у какого-то знакомого. А самое смешное состоит в том, что на пистолете – только ее отпечатки пальцев. Любой дружащий с головой опер должен был бы предположить, что с пистолета вытерли отпечатки пальцев – прежде, чем вложить его в руку женщины. Иначе куда пропали отпечатки ее мужа?

– Так номера же там сбиты.

– Проверь ствол.

– Ты знаешь хоть, сколько сейчас оружия в городе «плавает»? Если каждый ствол проверять, то в шесть раз штат экспертов увеличивать надо.

– Послушай мудрого, хотя еще и не очень старого человека... – мягко настаивал я.

Кудрявцев неопределенно пожал плечами. Я так и не понял – последует он совету, или опять не найдется у опера времени на такие мелочи в очевидном и почти закрытом деле.

2

Утро пришло промозглое и ветренное. Настоящее октябрьское утро. При взгляде в окно казалось, что вот-вот пойдет дождь. Может быть, даже со снегом, потому что тучи, обложившие все небо еще с вечера, были тяжелыми и низкими. Из-за них и рассвет задерживался.

Леший не спал почти всю ночь. Ворочался и ворочался на скрипучей своей кровати и раздражал скрипом мать, – он чувствовал это даже через стену, – спящую в другой комнате. Он вообще всегда плохо спит последнее время. Думы мучают. Он чувствует, всем нутром своим чувствует, что скоро, что вот-вот уже что-то сдвинется, и вся его жизнь переменится. Она будет совсем другой. Он строит планы на эту жизнь и не может от возбуждения спать. Прикорнет на десяток минут, потом снова просыпается – с прежними мыслями.

И все-таки встал он, как всегда, в семь часов. И принялся за зарядку. За последние десять лет он не пропустил ни одного утра без зарядки. Потом быстро умылся, не стал завтракать,

чтобы не будить мать, – пенсионерка, любит поспать до половины дня, – и побежал в гараж. Благо до него ходу – пять минут.

Машина завелась легко, но все же, выехав сначала за ворота, он основательно прогрел двигатель – минут пять стоял. Машину Леший любит и бережет. Она уже в возрасте и требует внимательного пригляда за собой.

До начала рабочего дня времени оставалось еще много. И Леший захотел вдруг прокатиться. Вдруг – это всегда неожиданно. Он ездит туда каждое утро. Никогда не думает, что поедет сегодня, а потом – именно вдруг! – чувствует необходимость. И едет.

Просигналив фарами дежурному у ворот гаражного кооператива, чтобы тот проснулся и опустил натянутый поперек ворот тросик, Леший выехал на улицу. Забыл, что сразу за воротами – глубокая колдобина, угодил в нее, встряхнулся, и свет фар резко колыхнулся по окнам противостоящего дома. Ничего, что кого-то и разбудит этим светом. Время подошло подниматься, господа!

Утренний город оживал сырыми улицами. Перед рассветом, как обычно, было особенно темно. Фонари светили тускло, словно низкие осенние тучи даже их накрыли. Но люди уже спешили по своим делам, уже толпились на трамвайных, троллейбусных и автобусных остановках. Леший не обращал на них внимания. Он стремился к цели. И чем ближе оказывался к выезду из жилых кварталов, тем сильнее становилось его нетерпение. Тем сложнее ему было останавливаться на красный сигнал светофора. Начали подрагивать пальцы, сжимавшие руль.

Он знал, что сейчас там нет того, что его интересует. И тем не менее снова ехал. Просто проехать мимо, просто посмотреть и ощутить сладость мести – этого уже почти достаточно. Пока – достаточно... А что будет потом, он и сам не знает. Да это и не так важно. Возможно, что потом не будет ничего. Возможно, что это больше никогда не повторится, потому что скоро все в жизни у него наладится. Он сам станет совсем другим человеком. И внутренне другим, и внешне.

Выехав на «бетонку», грязной неровной полосой уходящую в сосновый бор, Леший резко снизил скорость. В этом был элемент мазохизма. Чем медленнее он ехал, тем сильнее страдал. Именно страдал – и получал от этого наслаждение. Он снова чувствовал все то, что здесь происходило. Не переживал, а чувствовал. Но, как всегда было, скоро его начала преследовать ярость. Ярость осталась тенью воспоминаний о прошлом, о таком болезненном и беспощадном. Тенью, толкающей резко в затылок сидящего за рулем человека – да так, что машина начинала порой повливать на мокром покрытии шоссе. Но он давно научился владеть собой. И сейчас взял себя в руки настолько, что со стороны незаметно было его состояние. Иногда он даже через силу улыбался собственным мыслям, хотя хотелось кричать и биться головой о руль.

Он проехал весь бор насквозь, миновал плотину на Шершневском водохранилище, за плотиной развернулся на площади перед рядами торговых павильончиков, резко выдохнул, как бы сбрасывая с себя напряжение последних минут, и поехал назад.

Взглянул на часы. График соблюдался строго, как всегда. Теперь уже пора было ехать на работу. Но и помимо работы предстояло решить такое количество проблем, что успеть все сделать очень сложно. Но он успеет. Он рассчитал все до мельчайших деталей.

На половине дороги, в полумраке начинающегося рассвета, Леший увидел стоящие у кромки леса четыре грузовые машины. Из машин уже выгрузились милиционеры с автоматами – они редкой цепью уходили в лес.

Он даже улыбнулся.

Что они там ищут? Искать там уже нечего. Или они не ищут, а готовят засаду на кого-то? На кого?

На Лешего?

Он улыбнулся еще раз и глубже вдавил педаль акселератора. Машина плавно набрала скорость. Если будет днем свободное время, надо будет наведаться сюда, в бор, и посмотреть, что задумали эти менты...

3

Первое, что я сделал утром – это позвонил Осоченко. Дома его уже не оказалось. Сонный и недовольный немолодой голос, немного чмокающий, – словно вставные челюсти всегда готовы агрессивно выпрыгнуть, – сообщил, что Гоша ушел на работу. Подобным голосом обычно разговаривает исключительно теща – так подсказывает опыт сыщика. Но и матери бывают агрессивными – так подсказывает общечеловеческий опыт. Я посмотрел на часы. Стрелка только перевалила за восьмичасовую отметку. Раненько молодой человек встает – видать, трудолюбив, как муравей. Но туда – к себе в фирму – он еще, похоже, не прибыл, потому что на работе телефон мне не ответил. Ладно, позвоню ему из «Аргуса», когда появлюсь там. А для начала мне предстоит поговорить с соседями Чанышевых.

Я уже обулся, чтобы выйти на улицу не в тапочках, когда зазвонил телефон. Пришлось посмотреть на не совсем чистые со вчерашнего еще дня башмаки, вытереть старательно подошвы о половой коврик и вернуться.

– Привет, майор.

– Здравствуй, майор. Ты еще не укатил на службу?

Если Лоскутков названивает мне в начале девятого утра, значит, у него есть что сообщить частному сыщику. Ментам вообще живется легче. Отправляют запрос и получают ответ. А волка – то есть несчастного «частника» в моем лице – кормят, как известно, ноги. И телефонные звонки. И еще – в значительной мере – те друзья и знакомые, которыми он сумел обзавестись и которые прониклись его ужасающей долей и испытывают к «волку позорному» сочувствие. В данном случае, как вот сейчас, меня, возможно, подкормит, войдя в сиротское положение информационно голодного существа, майор Лоскутков.

– Кажется, я еще дома. Но ты чудом меня застал. Кстати, я ждал твоего визита вчера. Весь вечер.

– Не успел. Домой за полночь вернулся, а к восьми утра уже ноги гудят, как телеграфные столбы, – набегался. В отличие от некоторых лентяев, которым большие деньги платят неизвестно за что.

– Если бы платили... – вздохнул я непритворно. – Всю бы оставшуюся жизнь ленился.

– Что ты вчера такого наговорил в райотделе, что все они забегали, как тараканы от дихлофоса?

– Я? Наговорил? – Теперь я удивился. – Единственно, что я сказал – их обвиняемая, если найдет себе хорошего адвоката или ей кто-то такого адвоката найдет, прямо из зала суда будет выпущена на свободу. Признание обвиняемой не есть доказательство ее вины. Ментам законы получше знать надо. Вот и все.

– Нет, это все им, дуракам, и так понятно, – Лоскутков кашлянул. – Что ты им про пистолет сказал?

– Посоветовал проверить, не числится ли за ним чего интересного? Я всю свою сознательную жизнь не доверяю пистолетам со сбитыми номерами. От нечего делать номера не сбивают – это не так легко.

– Это я понимаю и без объяснений. Меня мотивы интересуют. Почему ты посоветовал? Ты что-то подозревал? Была какая-то мысль?

Мнительному майору всегда кажется, что он страдает эзотерической дальноркостью, и потому он часто хочет видеть за простыми вещами больше, чем за ними стоит. Таким уж чертовски недоверчивым характером мента бог наградил.

– Просто потому посоветовал, что они сами этого делать бы не стали. По лени или по халатности, не знаю уж... Или просто отложили бы дело в долгий ящик. Чтобы к нему больше не вернуться. Текучка, жалуются, их захлестывает. Еще мне не понравилось, что с пистолета почему-то стерты отпечатки пальцев убитого, которому оружие и принадлежало. Это дает какой-то намек.

– И все?

– Все. А в чем проблема? Тебе этого мало?

– Проблема в том, что пистолет идентифицирован. И этим пистолетом пользовался в позапрошлом году Леший при одном из убийств. А перед этим похитил пистолет у убитого им старшего лейтенанта милиции. Там же, в городском бору.

– Ты меня просто в краску вгоняешь... – сказал я сам себе комплимент.

– То есть?

Вот ведь непонятливое существо! Как же он с такими талантами вообще в сыске держится?

– Если бы я не подогнал чуток ваших олухов, то это так и осталось бы тайной под вековой паутиной. Меня этот опер из района, как его фамилия...

– Кудрявцев.

– Вот-вот, меня этот лысый Кудрявцев долго пытался убедить в том, что он кудрявый, а эксперты, по его словам, настолько сильно загружены, что от работы потеют, а от пота лысеют.

– Козлы... – не выдержал и прошептал майор. А у меня слух, кстати сказать, тренированный.

– Полностью с тобой согласен. Только кто? Эксперты?

– Те, кто работать не умеет.

– Я скромно надеюсь, что ко мне это не относится? – Хотелось услышать из уст мента уверения хотя бы в минимальном уважении.

Лоскутков словно бы не заметил мой вопрос. Таковым, по его мнению, должно быть развитое чувство ментовского такта. Он недоговаривает, а ты понимай как хочешь. Эту его манеру я давно изучил. И точно так же он любил бросать телефонную трубку – чтобы ты словно бы ощущал за собой чувство вины. Я несколько раз позволил себе повторить его маневр и, кажется, отучил. В последнее время он иногда даже со мной прощается, когда заканчивает разговор.

– Теперь, получается, мы почти параллельным курсом пойдем. Только постоянно со мной связь держи. Ты что-нибудь уже раскопал?

А вот это мне очень даже на руку. С Лоскутковым мы уже несколько месяцев как сработались, и при всей его угрюмости и моей, напротив, легкости характера умудряемся иногда один другому помогать. Отношение нашего общества к частным сыщикам сформировано в основном западными детективными романами и убийными американскими дебило-фильмами, сляпанными по одному сценарию. В действительности работа эта совсем-совсем иная. И то, что само идет в руки лицу государственному, мне приходится выцарапывать когтями и выдирать зубами – или же, со всем присущим обыкновенному спецназовцу Главного разведывательного управления коварством, выманивать обманом.

– Нет пока. Только собираюсь. Ты вот меня остановил на полпути. Поеду опрашивать соседей, пока они не разбежались.

– Вчера вечером надо было. Вечером легче кого-то дома застать.

– Так я же тебя у себя дома ждал! Приготовил мешок сахара и хотел посоветоваться. Не дождался и потому начинаю сегодня с утра. Вечером продолжу.

– Отлично. Что будет – сообщай сразу. Я забрал материалы из района. Теперь по всем вопросам обращаться только ко мне. Все! Пока...

Нет, в последнее время он стал заметно вежливее.

Значит, опять работаем вместе. Радоваться этому или расстраиваться – я еще не решил. Значит, или сам убитый был Лешим, или он, по меньшей мере, был связан с ним каким-то образом? Тогда дело серьезнее, чем казалось первоначально. Значит, предстоят плотные контакты и с ментовкой, и, возможно, с ФСБ. И как-то это может повлиять на отношения плательщика – Гоши Осоченко? Но если не так давно я умудрился помогать ФСБ и ментам, получая по трудовому соглашению дополнительную майорскую зарплату, то сейчас надеяться на это не приходится. Заинтересованность Осоченко следует сохранить. А для этого просто необходимо знать о нем побольше.

...Машину в гараж я в последнее время ставить перестал, чаще пользовался недалекой платной стоянкой. Хотя скоро придут морозы и придется от такого удобства отказаться. Уже сейчас приходится подолгу прогревать двигатель, чтобы старушка-развалюшка не приподнесла мне вдруг ненужный сюрприз.

Поехал сначала, как и собирался, опросить соседей Чанышевых. До нужного мне длинного девятиэтажного дома на улице Цвиллинга добираться – пять минут. Но вот подъездная дверь оказалась, как часто сейчас бывает, на кодовом замке, точно таком же, какой стоит и на моем подъезде. С такими замками общаться умеют одни бомжи – для них каждый код является открытой книгой. Я до бомжей не дорос. Пришлось, вздохнув, дожидаться, когда дверь откроется кем-то из жильцов.

Первым вышел мужчина средних лет.

– Извините... – показал я удостоверение. – Можно задать вам несколько вопросов?

– Нет. Я очень спешу, – он словно бы испугался меня и даже поднял воротник куртки, хотя дождик еще только обещал вскоре начаться. Словно забором человек отгородился. «Ничего не слышал», «ничего не видел», «ничего не знаю» и все прочие «ничего»...

Впрочем, удивляться тут нечему: в наше время люди часто стараются избежать каких-то неприятностей для себя именно путем молчания и «ничегоневидения». Не понимая по глупости, что этим опять же себя и подставляют, потому как могут оказаться участниками следующей по счету неприятности. И я уже давно научился определять по лицу – кто будет говорить много и откровенно, старательно выказывая собственное отношение к происшедшему, кто будет больше сам спрашивать и сверкать при этом глазами в предвкушении того, что сможет поделиться с кем-то третьим информацией, а кто вообще избежит разговора.

Ну и ладно. Начало неудачное – с утра это всегда неприятно, но что-то выудить я все равно смогу. Хорошо, что первый потенциальный свидетель не захлопнул у меня перед носом дверь. Проход открыт. И я пошел по квартирам, начиная со второго этажа, потому что на первом этаже по длине всего дома были расположены библиотека и какие-то отделы банка. Сам же банк построил себе большое и солидное здание через дорогу. Кстати, прямо за банком располагается райотдел милиции. Так что предполагаемой убийце – Саше – не надо было идти слишком далеко.

Но – увы и ах! – запустили меня, подозрительного, только в две квартиры. В других – или уже не было никого дома, или просто говорили из-за двери, что ничего не знают и не видят необходимости в разговоре. Да, менты и в этом имеют больше возможностей для сбора информации. Их хотя бы за порог пускают, хотя тоже без удовольствия. Если бы они еще желали ходить и спрашивать, чего бы лучшего оставалось желать...

На втором этаже дверь мне открыл невероятных размеров детина с небритой физиономией. Наверное, он когда-то занимался спортом, иначе жир бы у него уходил целиком в пузо и в место пониже спины. У этого же и плечи были необыкновенной толщины – впечатляли не меньше, чем живот.

– Чего надо?

Я представился и показал удостоверение. Он в него даже не глянул.

– Заходи. Пиво будешь?

– За рулем... – ответил я, разуваясь в прихожей.

– Ну и зря... Пиво – это жидкий хлеб. Ты насчет этого?.. С пятого этажа?..

– Чанышев, – подсказал я и включил в кармане диктофон. Удобная штука, особенно если вывести микрофон от него в собственный воротник.

– Ага. Валек... Я-то его еще пацаном помню. Серьезный такой, насупленный всегда ходил. Шахматами, наверное, занимался. Всегда шахматную доску с собой носил.

– А когда из пацаньего возраста вышел, таким же насупленным остался? – Меня интересовал круг общения убитого. К сожалению, я сразу не поговорил об этом с Гошей Осоченко. Сказался мой слишком небольшой опыт сыскаря. Думал сначала познакомиться с милицескими протоколами, а потом уже решать. За бесполезное дело я тоже не хотел браться.

– Да кто его знает? – детина налил пиво в высокий стакан и долго цедил «жидкий хлеб» сквозь зубы. С его авторитетным животом можно позволить себе выпивать не только стаканы, не отрываясь, а целые трехлитровые банки. – Я на Севере долго работал. Второй год только, как вернулся. Так, встречал иногда Валька в подъезде. Из окна порой видел. Насупленный-то он остался, а так – вежливый, всегда здоровался.

– Чем он занимался?

– Вот уж чего не знаю... Где-то, наверное, работал. Его всегда на машинах до дома довозили – это я видел. Я сам водила... Сейчас – на инвалидности, после аварии... Понимаю, что на таких иномарках просто так до дома не подвозят.

– На каких?

– На солидных. Чаще – на джипах. Разные были машины. Наверное, фирма, где работал, большая...

– А друзей его не знаете?

– Я не сильно любопытный. Вижу иногда кого-то чужих... Может – к нему, может – к кому-то другому... Не буду же я спрашивать?

– А его жену вы знали?

– Только с ним видел. Даже не знаю, как зовут. Такая вот... – верзила свернул фигу.

Этот разговор ничего не дал. Я распрощался с хозяином, поблагодарил за беседу, хотя благодарить следовало не за нее, а только за то, что он позволил мне, как зрителю в цирке, посмотреть на моментальное поглощение нескольких литров пива. Правда, я не аплодировал. Должно быть, от зависти.

Следующая дверь, которая открылась на мой звонок, была на четвертом этаже. Пожилая сухопарая женщина, не выпускающая изо рта папиросу, мое удостоверение изучила тщательно, сверяя фотографию с оригиналом.

– Ну и что вам надо?

– Побеседовать хотелось бы... Насчет вашего убитого соседа сверху.

– Заходите. Только ноги хорошенько вытрите.

Я так старательно топтал половую тряпку перед порогом, что даже хозяйка не вытерпела, приглашающе махнула рукой.

– И вот здесь разуйтесь, – показала угол коридора.

Я и это выполнил безропотно. Не мент, я всегда разуваясь в чужих квартирах.

– Я не знаю, что он из себя представлял... – сизый дым повис в кухне, куда мы прошли для беседы, и кудрявыми слоями поднимался над ее химической завивкой. – Мне кажется, он нигде не работал.

– Почему вы так решили?

– Постоянно был дома. И жена тоже – дома. У нас тут такие полы и потолки, что каждый шаг слышно. Постоянно ночами шлепали, спать мешали.

– А выстрел?

– И выстрел я слышала. Часов в двенадцать это было. Только я не поняла, что это выстрел. Я телевизор смотрела. И подумала – что-то там упало. Потому что грохот такой был! Да я все милиции уже рассказала...

Ага, интересный факт! А в материалах «дела» протокола допроса соседки нет. Надо сказать Лоскуткову.

– Вероятно, это упало после выстрела тело?

– Может быть, и так. Но как я могла предположить, что это за звук, если я выстрелы раньше только в кино слышала?

– А голоса, крики какие-нибудь доносились?

– Когда они ругаются, у нас тоже слышно. Особенно на кухне, через вентиляцию. В этот раз не ругались. Я незадолго до этого грохота на кухню выходила, чайник кипятила. Вот, опять, слышите?

Она подняла перед носом длинный, как школьная указка, указательный палец.

Явственно над головой слышались шаги.

Шаги?

Но, насколько я понимаю, квартира должна быть опечатана! И отметку об этом я сам в «деле» читал.

– А кто там может быть? – спросил я самое нелепое, что могло прийти на ум.

– Откуда я знаю...

– Извините, – я стремительно направился к входной двери, быстро обулся и ринулся на пятый этаж, не успев завязать шнурки. И пожалел, что пистолет вчера оставил в сейфе. Но кто мог знать, что так дело обернется? Ведь вечером я даже не предполагал, что убийство Валентина Чанышева как-то связано с кровавым делом Лешего! И устраивать перестрелку с соседями или с гостями убитого тоже вчера не собирался.

...Бумажная печать с росписями была разорвана строго посередине. Мог кто-то из детей побаловаться, а мог и кто-то из взрослых. Но так бумажка должна была разорваться при открывании двери – сам разрыв характерный. Если бы пальцем надавили, разрыв был бы несколько иной.

Я взялся за дверную ручку, повернул ее и толкнул дверь. Она была заперта. Но шаги-то я отчетливо слышал! Я нажал на дверь посильнее – не отпирается. Прислушался. Квартира ответила мне тишиной. Здесь уже и шагов слышно не было. Может быть, мягкая дверная обивка их глушит?

Что делать? Позвонить Лоскуткову? Я спустился этажом ниже. Моя недавняя собеседница стояла в дверном проеме.

– Никого? – спросила удивленно.

– Закрывается. Но печать сорвана. Можно от вас позвонить?

– Телефон – в комнате. Не разувайтесь.

– Постойте здесь и послушайте. Если дверь наверху откроется, сразу зовите меня.

Я не прошел, а пролетел в комнату. Телефон стоял на тумбочке, рядом с телевизором. Четырежды набирал номер. Постоянно было занято. После очередной попытки мне наконец ответил сам Лоскутков. Я коротко обрисовал ситуацию. Крикнул хозяйке квартиры, спрашивая номер кода на подъездной двери. Повторил код майору.

– Выезжаю, – сказал он и бросил трубку.

Я завязал свои шнурки и вышел из квартиры – уже неторопливо. Женщина стояла, прислонившись к перилам, и прислушивалась.

– Тишина, – сообщила мне шепотом. Непонятно – зачем шептать, если только что громко говорила мне код?

– Вернитесь в квартиру и лучше пока не выходите, – посоветовал я.

Она согласно кивнула, закрыла дверь, но удаляющихся шагов я не услышал. Должно быть, прямо за дверью и осталась стоять. Я же поднялся на пятый этаж, встал сбоку от двери – так, чтобы в дверной глазок меня невозможно было увидеть, – и стал прислушиваться к тому, что происходит в квартире Чанышевых. И уловил все-таки звук. Что-то тупо стукнуло один раз. Больше – ничего.

Теперь, незваный гость, ты мой клиент. Не уйдешь! Просто некуда тебе деться. Только начнешь дверь открывать, я спрячусь в сторону – и атакую сзади. Буду бить на «отключку», как и положено безоружному.

Загремел замок этажом выше. Там открылась дверь – и с громким стуком захлопнулась. Шаги. Спускался парень лет двадцати пяти.

– Вы кого ждете? – спросил он меня чуть ли не подозрительно. Взгляд его был суров и при этом насмешлив.

– Я знаю, кого я жду. Но не вас.

Парень пожал плечами на такую невежливость.

– Если Вальку, то напрасно.

– Почему?

– Его позавчера грохнули... – он как-то нехорошо, словно бы даже почти довольно ухмыльнулся и стал спускаться дальше, не дожидаясь моей реакции на сообщение.

Через десять минут послышались голоса снизу. Я понял, что менты прибыли. Заскрипел лифт, и тут же раздался топот нескольких пар ног по лестнице. Лифт пришел одновременно с двумя поднявшимися ментами. Лоскутков сообразил захватить с собой опера из райотдела – лысого Кудрявцева, у которого были ключи от квартиры.

Быстро открыли дверь. Я, как безоружный, вошел последним. И сразу уловил сквозняк. Балконная дверь была распахнута. На балконе я увидел пожарную лестницу, ведущую с этажа на этаж. Пожарный люк тоже был открыт.

– Черт! – хлопнул я себя по лбу.

– Что? – спросил Лоскутков, уставясь на меня злыми рысиными глазами. Кажется, мент поимел желание меня убить за промах?

– Он прошел мимо меня... Поговорили даже... Как я сразу не подумал, что обычно люди лифтом пользуются. А этот – проверить хотел...

Глава третья

1

Автобус остановился, не доезжая до плотины. Лязгнули, как пасть крокодила, дверцы. Человек средних лет и среднего роста, но широкоплечий, кряжистый, в камуфлированном полувоенном костюме без погон, вышел на остановке и посмотрел на небо. Тучи ползли низко и плотно, предвещая если и не снег, то скорый дождь обязательно.

Человек поправил форменную кепочку, надвинул козырек почти на глаза и пошел по сырой, хотя и плотно утрамбованной дороге в городской сосновый бор. На плече он нес пустой рюкзак такой же камуфлированной расцветки. Дорога была скользкой еще после ночного дождя, но ноги в тяжелых, военного образца, ботинках не скользили.

К тому же человек не собирался долго придерживаться дороги, а свернул вскоре прямо в заросли молодого сосняка. Там трава была хоть и сырая, но не такая скользкая, как земля на дороге. К тому же здесь невозможно было идти прямо и быстро – кусты росли так, как пожелала природа-матушка, и тропинки вились вокруг них.

Человек постоянно осматривался.

Углубившись в лес метров на сто, он достал из-за пазухи большой охотничий нож-«мачете», попробовал лезвие пальцем и резким взмахом разрубил ветку в пару сантиметров толщиной, что перекрывала тропу, – попробовал оружие в действии. И удовлетворенно, одобритительно хмыкнул. Так, с ножом в руке, часто оглядываясь, он и двинулся дальше.

В одном месте он подобрал большую и кривую сосновую ветку. Несколькими взмахами ножа обрубил боковые сухие ответвления и сделал что-то вроде неуклюжего посоха-дубинки. Взмахнул, словно угрожая кому-то невидимому. И тоже остался доволен. Этим посохом он и стал раздвигать ветви кустов.

Еще метров через сто человек подошел снова к дороге. Оказалось, что он срезал путь – видимо, хорошо ему знакомый. Не выходя на открытое место, человек проводил взглядом легковой автомобиль, что проехал мимо, – за рулем сидел молодой парень, на заднем сиденье развалилась девушка, – потом и сам двинулся по опушке.

Здесь дорога кончалась. Автомобиль заехал дальше в бор. Человек в камуфлированной форме посмотрел на свежие следы рубленого протектора, указывающие направление движения, но не пошел в ту сторону, а остановился около кучи корней и хвороста. Лесники все же не всегда пили водку, а иногда и за бором ухаживали – подбирали сушняк. Человек стал копаться посохом в куче, разбрасывая наломанные ветром и злыми человеческими руками ветки. Он, похоже, искал что-то.

Здесь его и задержали. Четверо ментов с тупорылыми автоматами выскочили, как с деревьев свалились, одновременно с разных сторон. Стволы смотрели прямо на человека. Пожелай он упасть, а они выстрелить, то вполне могли бы с такой тактикой перестрелять друг друга.

Но он, к счастью, сопротивления не оказал.

– Лапки подними.

– Что вам надо, ребята?

– Нож брось в сторону.

Человек отбросил нож.

– Документы есть? – спросили.

– Есть, – он полез во внутренний карман.

– Стоять, – ствол сильно ударил человека между лопаток. – Лапки, дурило, кверху. Симонов, обыщи его.

– Да что вы, в самом деле? Что вам надо?

– Сейчас машина подойдет, тогда и разберемся, кому что здесь надо.

Машина подошла почти сразу. Милицейский «уазик».

– Что ты здесь искал? – спросил капитан, показывая на кучу хвороста.

– Корни искал.

– Ну-ка, переверните все, – скомандовал капитан ментам. – Что-то там должно быть. А ты садись в машину. Не туда, не туда... Через заднюю дверь, за решетку...

2

Я снова спустился на четвертый этаж и позвонил своей недавней собеседнице. Она открыла сразу. Значит, за дверью стояла. Любопытная тетя. Но такие в нашем деле бывают полезнее наряда ментов из райотдела.

– Вы не подскажете, на шестом этаже над вами кто живет?

– Люся. Женщина с двумя детьми.

Она посмотрела на меня в недоумении. Зачем я спрашиваю про шестой этаж?

– А из мужчин?

– Нет у нее никого. С мужем она уже три года как развелась. И чтоб кого-то приводила – я не видела... Люся – женщина серьезная.

– А на их этаже молодой человек... – я описал того, что прошел мимо меня по лестнице. – Такой там нигде не проживает?

– Нет. Там только один молодой – Юрка. Он школу заканчивает. В квартире напротив Люси живет. Но он ростом-то с меня, не больше.

– Спасибо.

Я поднялся этажом выше. Лоскутков уже вызвал экспертов и следственную бригаду горотдела и сейчас выгнал всех с балкона, чтобы не наследили. Хотя, пожалуй, уже было поздно. Мы все там побывали. И неизвестно, кто за что рукой в этой тесноте и в спешке взялся. Могли отпечатки и заляпать. Ведь когда смотрели на путь, которым преступник ушел, мысли были только об одном – о погоне. Это потом я сообразил, что гнаться-то уже не за кем. Паровоз ушел.

– Обыск в квартире производили? – спросил Лоскутков опера из райотдела.

– Зачем, здесь и так все было ясно. Только наркоту забрали. Нам Чанышева сама показала, где у нее что припрятано.

Майор посмотрел на него неодобрительно, хотя и знал, что обыск производится далеко не всегда. Сам он к обыскам имел почти садистское пристрастие: нравился, видимо, ему вид разбросанных и перевернутых предметов; и однажды умудрился провести обыск даже у меня. Тогда мы и познакомились.

– Кстати, а почему в материалах нет протокола допроса соседки с четвертого этажа? – спросил я.

– Я сам пару раз к ней заходил, только оба раза никого дома не было. Откуда я могу знать – где она. Может, она и не живет здесь? Может, у детей, за внуками ухаживает? Может, у нее домик в деревне...

– То есть ты хочешь сказать, что ее не допрашивали?

Кудрявцев мотнул головой так, что мне показалось – он отмахнулся от меня лысиной.

– Никто ее не допрашивал.

– Сержант, – попросил я. – Пригласи сюда соседку с четвертого этажа.

– А что такое? – коротко и настороженно спросил злой Лоскутков. Он уже понял, что следствия вообще никакого не было. Так, отписали бумажки и посчитали, что отчитались. А моей педантичности мент верил. Только всегда подозревал, что я не все ему говорю.

– Я с ней сегодня беседовал. Женщина говорит, что ее уже допрашивали. Приходили из милиции.

– Еще не легче, – вздохнул опер и потер ладошкой раннюю, не по уму, лысину. – Может быть, Свиридов – наш следак? Так он бы протокол к делу подшил. А больше вообще некому. Она не врет?

Я ничего не ответил.

Сержант привел соседку, и Лоскутков ушел с ней на кухню, где можно было бы присесть, не боясь стереть чужие отпечатки пальцев. Я пока зашел в другую комнату посмотреть, что там и как. Здесь в первую очередь привлек мое внимание компьютер. С него почему-то был снят кожух. Я в компьютерах не великий знаток – уровень примитивного пользователя, но даже мне показалось, что что-то здесь не так стоит, как оставил бы рачительный хозяин. А хозяин был рачительный и технику свою уважающий – об этом красноречиво говорила книжная полка со множеством книг и особенно журналов на компьютерную тему.

Приехала следственная бригада горотдела. Лоскутков дал распоряжения. Ему самому было некогда здесь торчать – в городе проводилось какое-то мероприятие по поимке Лешего.

– А ты со мной поедешь, – сказал майор мне.

– В качестве арестованного?

– Сможешь фоторобот сделать?

– Попробую. Если ваши компьютеры не такие, как местный, – я кивнул на вторую комнату. Майор заглянул в распахнутую дверь, минуту рассматривал письменный стол и стоящее на нем электронное оборудование, потом что-то тихо сказал приехавшему следователю. Тот тоже заглянул в дверь и кивнул Лоскуткову.

Мы спустились по лестнице, чтобы не ждать лифта. Рядом с моей машиной стоял старенький, маленький, серенький, словно грязный, «БМВ-320». Два человека смотрели на меня, когда я открывал дверцы своей «развалюхи». Лица у парней были незнакомые. А я высматривал того, кто прошел мимо меня по лестнице.

Чуть в стороне, даже не заехав на стоянку, остановился черный «Мерседес-280». Оттуда тоже кто-то смотрел, но сквозь тонированные стекла различим был только водитель, да и то – недостаточно ясно.

Знаю за собой дурацкую привычку. Теперь буду в трамвае ехать и глазеть по сторонам в поисках симпатичного лица своего лестничного собеседника.

Но номера машин я все же «сфотографировал» в памяти. Что им надо у этого подъезда? Вроде бы никто не входил. Двери не хлопали.

Подъезд становится популярным?

3

Почти час у меня ушел на составление фоторобота, и, как оказалось, потратил я это время только ради своего удовольствия. Дважды в компьютерный отдел заглядывал майор Лоскутков, смотрел варианты, а я продолжал щелкать клавишей «мыши», перебирая варианты носа, бровей, глаз, разреза рта и очертаний подбородка. Память меня не подвела. Я «сфотографировал» парня. Но оказалось, что воспроизвести оригинал гораздо труднее, чем это бывает в детективных фильмах. Было похоже, но все-таки что-то не так выходило. Скорее всего, меня просто смущало схематичное изображение, к которому я не привык.

Лоскутков заглянул в третий раз, постоял за спинкой моего стула, что-то нечленораздельно промычал, солидно похмыкал и отвел одного из компьютерщиков к другому монитору. Они начали там колдовать. А Лоскутков бормотать так и не переставал.

– Майор, посмотри-ка, – через пару минут он позвал меня. – Это не он?

Я подошел.

– Он. Точно. Твой друг?

– Это Паша Гальцев. Квартирный вор. Он – во всероссийском розыске. Мы уже год как желаем с ним плотно побеседовать. Парень очень хладнокровный и с головой дружит. Откроет любой замок ногтем. Тебе бы тоже надо иногда просматривать наши ориентировки, – рысьи глаза майора обдают меня жутковатым холодом, когда он высказывает желание сделать из меня нештатного сотрудника ментовки. – Кстати, Паша работает всегда только по наводке и в случайную квартиру, где взять нечего, не пойдет. Как думаешь, что ему там было надо?

– Деньги?

– Деньги из квартиры изъяли сразу же. Много. Не бедно они жили. Хотя по мебели этого не скажешь.

– Проверь еще номера машин, – попросил я лейтенанта-компьютерщика и продиктовал ему номера «БМВ» и «Мерседеса», которые видел у подъезда. Потом только повернулся к Лоскуткову. – Надо сначала выяснить, чем вообще занимался убитый. Большую часть рабочего дня он проводил дома. Если отлучался куда-то, его увозили и привозили на престижных иномарках.

Лейтенант включил принтер. Минута жужжания – и я получил в руки листок с распечаткой всех данных на интересующий меня транспорт.

– Кому они принадлежат? – спросил Лоскутков, заглядывая в бумажку. – Меня особенно «Мерседес» заинтересовал. Мне показалось, что оттуда нас или фотографировали, или на камеру снимали. Но сквозь тонированное стекло, чтоб ему, точно не разберешь...

Надо же. Оказывается, он тоже обратил внимание на машины у подъезда? И увидел даже то, что я не увидел! Если фотографировали, то это уже интереснее.

– Так... Так... Лейтенант, подбери-ка мне данные на хозяев транспортных средств. Потом занеси.

Мы вышли в коридор.

– Я больше не нужен?

– Чем заниматься собираешься?

Это уже сильно походило на то, что Лоскутков основательно меня запряг. Он вообще всегда и по любому поводу считает, что все сознательные граждане должны добровольно работать на ментовку. За честь и исключительное удовольствие.

– Дела у меня.

– Я тоже сейчас занят. Хотел только провести допрос этой самой Александры Чанышевой. В райотделе ее почти не допрашивали. Записали только то, что она сама рассказала. Время такое было – пересменка... – судя по тону, Лоскутков почти смирился с нерадивостью сотрудников, даже оправдывать их пытается.

– Мне бы желательно поприсутствовать.

Мы вошли в тесный, на двоих, кабинет. И тут же зазвонил телефон.

– Слушаю. Майор Лоскутков. Так... Отлично. Давайте его сюда быстрее.

Он положил трубку и посмотрел на меня торжествующе, почти радостно. Даже рысьи глаза сияли без злобы, как на праздник 10 ноября перед коллективной выпивкой.

– Кажется, Лешего поймали...

– Поздравляю. А как же наш допрос?

– Позже. Сейчас тебя не задерживаю. Сам понимаешь...

– Без тебя я смогу поговорить с Чанышевой?

– Лучше не надо. Я сейчас пошлю Кудрявцева, пусть он вместе с ней в квартиру съездит. Посмотрят, что пропало. Паша Гальцев просто так туда не полезет. Он всегда знает, что ищет. Мне осталось только согласиться.

4

Машину, приехав на службу, я всегда ставлю не у подъезда, а под окном своего кабинета. Хоть и старенькая она у меня, а не любит домогательств посторонних – большей частью молодых – личностей, хотя по нынешним временам к такому можно было бы и привыкнуть. Все мы со временем к неприятностям привыкаем.

Путь к дверям – всегда один и тот же. Марина Владимировна, старушка из газетного киоска, с десяти метров узрев машину, приготовила уже пачку моих привычных сигарет «Спецназ». В последнее время я курю их не столько из-за вкусовых качеств и соответствующей кошельку частного сыщика стоимости, сколько из-за ностальгических воспоминаний о днях своей службы в спецназе. Впрочем, на этих сигаретах изображена почему-то летучая мышь. Насколько я помню, летучая мышь в российском спецназе популярностью не пользуется. Более того, она является официальной эмблемой Моссада – конечно, лучшей спецслужбы мира, только, к сожалению, не нашей, отечественной. Но это мелочи. Некомпетентность производителей. К некомпетентности мы тоже все уже давно привыкли.

Кивнув охраннику и прошагав по длинному коридору, я застал на диванчике у двери своего кабинета Гошу Осоченко с мелким рыжим типом – весьма подвижным котенком.

– Извините уж, что я не один. Вот, подарили сегодня... – Гоша поднял зверюгу к груди. – Приходится весь день с ним мотаться.

Кисть левой руки Гоша замотал слегка окровавленным носовым платком. Котенок оказался царапучим и оставил на руках ощутимые метины.

Осоченко самому не терпелось узнать результаты моей деятельности. Что ж, вполне резонно. Он платит, он и музыку заказывает. А я собирался ему звонить и договариваться о встрече.

– Проходите, – распахнул я дверь. – Вы очень вовремя. Я еще в восемь утра пытался вас найти.

Парень передернул плечами, словно поежился. Странная и неприятная у него привычка – я еще в прошлый раз заметил это передергивание. Вошел. В низком кресле он вообще кажется невзрачным и потерянным, словно провинившийся ребенок.

– Как наши дела? – это он спрашивает.

Рыжий котенок мяукает, словно повторяет вопрос хозяина.

– Дела наши обстоят так, что я уже плотно занялся вашим заказом. Дело изучил. И мне думается, что есть все шансы на успех. Вы в состоянии нанять своей подопечной хорошего адвоката?

– Наверное...

– Этого мало. На одном «наверное» ей не выехать. Надо сделать это обязательно, и чем скорее, тем лучше. Могу, если у вас нет соответствующих связей, порекомендовать из своих знакомых. Но любой адвокат стоит денег. Хороший адвокат стоит двойных денег. Вы вообще-то чем занимаетесь?

– У нас с компаньоном – своя небольшая фирма. Торгуем компьютерами и комплектующими. Если хотите, могу и вам чем-то помочь. В порядке взаимобмена. У нас цены – самые низкие в городе...

– Мне, к счастью, или, вернее, к сожалению, ничего не надо. Компьютером пока не обзавелся. А вообще, говорят, это дело прибыльное. Я имею в виду ваш род деятельности.

В ответ – неуверенное, но слегка высокомерное хмыканье. Так профессионал оценивает суждение дилетанта. Котенок при этом тоже проявил неуважение к моему кабинету и попытался забраться на стол.

– Было раньше прибыльным, пока ветер не поднялся и доллар не подлетел до потолка. Сейчас продать компьютер – большая удача.

А мой мальчик и остроумием иногда блеснуть может. Это я одобряю. Только вот другого я понять не могу. Все коммерсанты жалуются на сложности своего существования. С ними в основном я и работаю, потому говорю обоснованно. Однако все они живут, как мне кажется, не так уж и плохо.

– А на чем тогда держитесь?

– На компьютеры мы цены почти не поднимаем. И так они для многих стали нереальными. Почти на нолях работаем. Только на расходных материалах выезжаем. У кого уже есть компьютер, тому расходные материалы так и так необходимы. Вот они сейчас и стали дорогими. Но у нас все равно дешевле, чем в других фирмах.

– Значит, вытягиваете...

Опять неопределенное пожатие плечами.

– Пытаемся выжить.

А он сегодня – мне даже интересно такую метаморфозу лицезреть, и навевает это определенные выводы – не такой беспомощный, как в первую встречу. Тогда, понятно, волновался. Или вид делал. Сейчас уже знает себе цену. Или показывает это. Осмыслил, видимо, что он оплатил услуги и вправе требовать результата. Как должно было бы быть в действительности. Но при всей внешней – почти дурацкой – его простоте и неприспособленности, он в настоящей жизни, сдается мне, совсем не такой.

– А чем занимался Валентин Чанышев?

Осоченко задумался ненадолго. Оказывается, он умеет формулировать мысли достаточно быстро и достаточно четко. В первый раз я этого бы и не заподозрил. Да что я – сам Лоскутков не смог, при всей своей профессиональной ментовской подозрительности.

– Он закончил университет. Сначала в НИИ работал. Там, естественно, почти не платили. И начал работать самостоятельно. Это не все могут, но Валька был программистом от бога. Любую программу мог сделать на заказ. На любые нужды. Кому что требуется по профилю трудовой деятельности. От простейших до самых сложных. Официально нигде не числился, но заказов много имел. И все клиенты, насколько я знаю, оставались довольны. Но это, так сказать, не для печати, вы же понимаете...

Я понимаю. Я не работаю, дорогой мой клиент, в неблагодарной налоговой полиции, поэтому меня мало интересуют юридические тонкости подобной надомной работы. Однако я где-то слышал, что работа программистов оплачивается достаточно высоко – особенно, если увиливать от налогов.

– И много он зарабатывал?

– В месяц столько, сколько вся наша фирма за полгода. За хорошую программу люди с головой готовы платить деньги. Одна программа способна десяток человек из штата убрать – работа только эффективнее пойдет. Это же какая экономия...

Откровенно. А главное откровение – в том, что теперь у Гоши даже зависть в голосе проскользнула. Интересные, должно быть, были между друзьями отношения. И не совсем простые.

Санька! – вдруг понял я. Санька – со школьной скамьи...

– Одну и ту же программу можно продавать в разные фирмы. Или это не так?

Очередной вопрос дилетанта. Рыжий котенок заглядывает Гоше в лицо, ожидая умного ответа.

– Можно. Он делал программы, которые работают с электронным ключом. Чтобы избежать конкуренции в продаже со стороны первого заказчика.

– Это для меня – темный лес...

– Догадываюсь.

А клиент, оказывается, еще и ехидничать умеет. Прямо на глазах мальчик растет и превращается в зрелого мужа.

– Вы с ним сотрудничали?

– Он у меня покупал, что надо было. Я ему делал дополнительные скидки. Иногда посылал к нему заказчиков. Придет кто-то, спросит по поводу программы, которая его устроила бы. Я отсылал к Вальке. Кроме того, мы ведь проводим обслуживание своих клиентов и фирм, которые технику у нас брали. Там тоже можно что-то посоветовать. Это срабатывает. Экономить у нас научились. В общем, я ему, как мог, помогал.

– За комиссионные?

– Нет. Просто так. Но это все же были редкие случаи.

– А как же он искал клиентуру? Ведь рекламу он, я так думаю, не давал? Ни к чему привлекать внимание налоговых органов.

– Где-то находил. Но я же говорю, найти клиента – это удача. Повезет, и можно несколько месяцев жить безбедно. Он постоянно был в поиске заказов.

– А его жена? Чем она занималась?

– Санька? – теперь Гоша глянул на меня почти затравленно, и я только сейчас понял, что у него астигматизм – вот почему он не может смотреть прямо в глаза. Но ответил он, четко формулируя мысль – сегодня мой клиент уже не был мямлей. – Они не только в школе, но и в университете учились в одной группе. Она за ним туда пошла. Чтобы не отставать. Потом вместе с ним в НИИ работала. Тоже программист. И уволились вместе. А потом... Валентин не хотел, чтобы она вообще работала. Причуда богатого и сильного человека. Она у него дома, как в тюрьме, сидела. Только в магазин иногда выходила. Он ее даже к подругам не отпускал.

– Тиран?

– Близок был к этому.

– А как она на это реагировала?

– Как собака. В глаза ему заглядывала. И не была против. Верила, что так и надо.

– Так, значит, Валентин был сильным?

– Духом. Он всегда таким был. Что хотел, то и брал. Словно всегда имел на это право.

– Хорошо. К разговору о ней мы еще вернемся. Это будет, как вы понимаете, наш главный разговор, – я очень постарался смотреть ему в глаза, очень хотел, чтобы он во время следующего вопроса взгляда не отвел. Ответ на вопрос многое бы мне дал в понимании ситуации. – А теперь скажите, вы были хорошими друзьями? Достаточно близкими?

– Более-менее... – А в глаза он посмотреть не сумел. Возможно, сыграл роль астигматизм, возможно, что-то другое. – Общались мы часто. Больше по моей инициативе. Я к ним приходил. Он ко мне показывался только тогда, когда что-то к компьютеру купить надо.

– А кто был с ним более близок, чем вы?

– Компьютер. Он сутками перед ним просиживал.

– Значит, близких друзей Валентин Чанышев не имел?

Гоша пожал плечами.

– Он в них не нуждался. Характер такой...

Это уже было сказано достаточно категорично.

– И тем не менее, с кем-то же он общался. Вы можете назвать несколько имен, с кем он в последнее время вел дела?

Осоченко задумался. И я понял, что он не вспоминает. Он хорошо помнит эти имена. Но сомневается – следует ли мне знать подробности.

– Зачем это вам надо? Вы же не изучением жизни Валентина Чанышева занимаетесь. Вы должны доказать невиновность Саньки Чанышевой.

– Если его убил кто-то другой, то Александра Чанышева автоматически становится невиновной. Вы не понимаете этого? Я думал, после первой нашей встречи объяснил все достаточно четко.

– Да, но есть же и другие пути.

– Например?

– Например, сделать недоказуемой ее виновность.

Теперь уже я мог позволить себе улыбнуться. Специалист и дилетант поменялись местами. А, скажу честно, мне не слишком нравится играть роль последнего. Хотя специфика моей службы такова, что играть ее приходится достаточно часто. В самом деле, не могу же я изучить все сферы деятельности социума, в котором приходится мне работать. От бизнеса до воровства газет из почтового ящика. Да, и таким делом приходилось заниматься недавно.

– А вы знаток законов, оказывается? Да, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Следствие должно доказать его виновность. Но вы ставите мне задачу гораздо сложнее, чем выбрал я сам, если учесть, что Чанышева сделала добровольное признание. Тем более, что у меня есть сведения – кто-то очень интересуется квартирой Чанышевых в данный момент.

– То есть?

– Сегодня туда проник посторонний человек. Что-то искал. Возможно, это связано с убийством. Итак, мне повторить вопрос?

– И что он украл? – Осоченко обеспокоился.

– Ничего не успел, кажется. Я ему помешал. Итак?..

– Валентина, как опытного компьютерщика-хакера, пытались привлечь к работе в период предвыборной кампании. Скоро – выборы в Думу... И есть много разных путей... Вы сами должны понимать, что такое выборы и какие люди лезут в Думу. И для каждого из кандидатов важно сохранить тайны своего компьютера – и узнать тайны компьютеров чужих. Это же естественно. Хакеры сейчас нарасхват идут. И им хорошо платят.

– Так-так... Это уже интереснее. Значит, он не просто суперпрограммист, а еще и хакер?

– Суперхакер, – поправил Гоша, и котенок супермяуканьем подтвердил его слова. Хотя, возможно, бедное животное просто искало место, где сделать лужу, и потому рвалось с оцарапанных рук хозяина.

– Если мы с вами узнаем больше, то может так случиться, что Александру Чанышеву скоро освободят. Постараемся узнать, а? – Я усилил нажим, давая понять, что информация, которой обладает клиент, может сыграть значительную роль в достижении цели.

Но он или в самом деле не имел более точных данных, или предпочел молчать.

– Больше я ничего не знаю. Даже не знаю имени кандидата, на которого он должен был работать.

– А Александра?

– Валька вообще держал ее вдалеке ото всех дел. Я очень сомневаюсь, что она сможет вам в этом помочь.

– Ладно, – переключился я довольно резко. – Тогда перейдем к главному. Меня весьма интересует один вопрос. Каким образом вы лично заинтересованы в том, чтобы Александра Чанышева была свободной?

Гоша замялся и стал похожим на себя вчерашнего, когда предстал передо мной мямлей и человеком нерешительным. Даже голос у него изменился. Только что не покраснел в смущении до самых ушей.

– Мы – друзья.

Если не сама фраза, то внешний его вид говорил обо многом – и весьма красноречиво. Жены друзей могут тоже быть друзьями. Но говорят об этом обычно не стесняясь.

– Вы сами-то женаты?

– Нет.

- А я вот утром, когда вам звонил, подумал, что мне теща отвечает. Ошибся, значит...
- Это мама. Она у меня – человек суровый.

Глава четвертая

1

Милицейский «уазик» с бортовой рацией разгрузился, не слишком вежливо передав задержанного с рук на руки сыщикам из горотдела. Командовавший операцией оцепления городского бора капитан Ракушкин спросил у Лоскуткова:

– Можем сниматься?

Лоскутков посмотрел на капитана таким уничтожающим взглядом, что тот невольно поежился.

– Дежурить до двадцати трех, как и планировали. Завтра все повторяем. И послезавтра – тоже. План продолжает работать до конца.

И майор посмотрел на задержанного.

Мужчина средних лет. Физически, похоже, очень сильный. Лице грубое, с неровной кожей. Но держится с достоинством, даже со злостью. Так, словно гордо и возмущенно ждет объяснений. По внешнему виду можно его принять за военного. И камуфлированная форма, хотя и без погон, дает ему определенную характеристику. В лице затравленности, которая часто бывает у задержанных, не видно. Но его если и задержали вблизи места преступления, то не с поличным. И на приманку – специально запущенную машину с сотрудником и сотрудницей горотдела – он не клюнул. Может быть, заметил засаду, может быть, сами парни из оцепления поторопили события? Пока предъявить ему что-то серьезное невозможно. И он это знает.

Версия с военным уже отработывалась. Ведь преступник оставил на земле отпечаток башмака военного образца. Поэтому на камуфлированную форму так быстро и клюнули. Хотя в нынешние времена ее носит множество людей, не имеющих к армии никакого отношения. И охранники различных фирм, и рыбаки, и просто бомжи, удачно посетившие для ночлега какой-то склад.

Правда, след есть и еще один. Под ногтями одной из последних жертв нашли остатки чьего-то кожного покрова. Женщина сопротивлялась, пыталась царапаться. Хорошо, если оцарапала преступнику лицо. Тогда это – примета. Вся милиция города предупреждена – оцарапанных мужчин высматривают среди прохожих. Только вчера было два случая задержания. Но оба мужчины оказались жертвами семейных сцен. Когда одного из них привезли домой для подтверждения алиби, то жена попутно оцарапала лицо и сержанту-милиционеру. С характером попалась женщина. А сегодня утром другие патрульные задержали и этого пострадавшего сержанта. Также проверяли. При задержании сержант получил еще одну травму – трещину ребра. Не надо было сопротивляться и качать права. Посмеялись, когда все выяснили, все – кроме пострадавшего.

Но остатки кожи из-под ногтей убитой взяли на анализ, и эксперты определили ДНК преступника. Это немаловажный фактор. Только вот как бы до самого преступника добраться? Не будешь же проверять ДНК у всех мужчин города, хотя Лоскуткову такая мысль в голову и пришла.

«Уазик» поехал на место дежурства. Капитан Ракушкин, пока машина разворачивалась, проводил взглядом задержанного и офицеров горотдела, поднявшихся на крыльцо. Все это, по правде говоря, уже порядком надоело. Опыт подсказывал, что когда много шума, то результат чаще всего бывает нулевой. Да и где гарантия, что этот Леший совсем задурел и снова захочет проявить себя? И так он «поработал» достаточно плотно. Теперь должен, по логике вещей, на какой-то период успокоиться и «отлежаться». Если с головой только дружит...

В такой промозглый день хорошо бы посидеть в кабинете и попить пивка, поболтать с сослуживцами. А приходится таскаться по дороге в ожидании неведомо кого. Еще хорошо, что в машине, а остальным-то каково?

Уже на подъезде к бору затрещала старенькая рация.

– Слушаю. Капитан Ракушкин.

– Капитан, у нас еще один задержанный. Тоже странно себя вел. И с ножом.

– Выводите прямо к дороге. Осторожнее только, чтобы не сбежал и чтобы вас никто посторонний не заметил. Сейчас подъеду.

Может быть, прав майор Лоскутков и оцепление снимать рано? Кто его знает, этого маньяка... Любой маньяк – это психически ненормальный человек. Значит, от него можно ожидать чего угодно. От полного истерического бегства до повторения попыток нападения.

2

– Ты что, подставить меня хотел? – орет Паша.

Кабинет у Лангара – солидный. Мебель одна чего только стоит. Из мореного дуба. А уж по площади помещеньице – в футбол здесь можно играть. Матч на Суперкубок. И все болельщики лежа поместятся. Сам Лангар повернулся к говорившему квадратной спиной, упорно смотрит в окно и не отвечает. Будто в носу ковыряет и не хочет, чтобы это увидели.

– Тоже мне, мальчика нашел! – Паша Гальцев от молчания Лангара только раззадоривается и дышит шумно, как кипящий чайник. Начинает ходить по кабинету, переставляя длинные ноги, как ножки чертежного циркуля. – Еле – мать их за ногу! – выкрутился. Ладно, там мент попался, который глаза под подушкой забыл. Мои же фотокарточки у каждого участкового есть. А если бы узнал? Пришлось бы еще одну статью «прицепом» брать...

Лангар движением аккуратного хозяина поправил штору на окне, словно закрылся ею от какого-то наблюдателя с улицы, потом за эту штору еще раз выглянул и медленно повернулся к Паше лицом. Улыбнулся примирительно и сказал спокойно:

– Подожди ты, Пашок, не суетись... Сейчас все выяснится. Позвонят и сообщат тебе, что это за мент и откуда он взялся. Меня предупреждали, что квартира должна быть абсолютно чистой. И ты же сам видел – она была опечатана. Но это дело третье, если не пятое. А зачем, скажи на милость, тебе надо было смотреть на этого ненаглядного мента? Сам ведь, как всегда, на рожон лезешь. – Достаточно хорошо зная Пашу, Лангар умело перевел разговор на нужную тему, чтобы «сбросить пар» из «чайника». – Спустился бы в лифте без проблем...

Паша улыбнулся ответно. И сразу его агрессивный пыл растворился, пропал. Он отходчивый по характеру. И легко все и всем прощает.

– Ничего ты не понимаешь, – голос его игриво тянется. – В этом же – весь интерес. Иначе – зачем жить?

Он сам не знал, зачем так поступил. И зачем поступал подобным образом всегда. Вот, например, в прошлом месяце аккуратно, словно руки перед обедом вымыл, обчистил квартиру солидного, по местным меркам, бизнесмена. Весьма известного в городе. Такой пустяк, как сигнализация, которую он отключил и включил заново, его не радовал. Дите неразумное с закрытыми глазами справится. И стеной домашний сейф – для чего только такие японцы делают? – доставил удовольствие лишь своим содержимым. А хотелось чего-то такого, чтобы в груди пойманый воробей затрепетал крыльями... И Паша не удержался, перед уходом слегка «отдохнул» – заварил кофе и разлил по керамическим кофейным чашкам, расставленным им же на кухонном столе. На шесть персон – полный расклад при приеме дорогих гостей. И приготовил бутерброды с ветчиной. Нарезал тоненько и аккуратно, словно всю сознательную жизнь кулинарным дизайном занимался. Одну чашку кофе выпил и бутерброд надкусил. Потом доел и соорудил новый. Ветчина свежая понравилась.

И с сотового телефона прошлого своего «клиента» – тот спокойно отдыхал с женой где-то за границей, и потому Паша трубкой свободно пользовался, не отключили еще – позвонил бизнесмену в офис.

– Привет, хозяин! Я с твоей кухни звоню. Мне здесь нравится, честное слово. Ты неплохо живешь, когда твоей соседке-старушке пенсию третий месяц не платят... Мне даже стыдно слегка за тебя.

– Кто это? – не понял бизнесмен.

– Гость твой. Дома я у тебя. Не понимаешь, что ли...

Сначала – настороженное молчание, потом – вкрадчивый вопрос:

– Что тебе надо?

Паша «тащился» от растерянности «клиента».

– Ничего не надо. Что мне надо, я уже взял. Тебе позвонил, чтобы спасибо сказать. И кофе еще, говорю, у тебя вкусный. За него тоже спасибо. И ветчинка свежая. Только ты домой поспеши. Кофе хорош, когда он горячий...

И отключил трубку.

А самое интересное, что Паша умудрился встретиться с хозяином в подъезде. Специально на этаж выше поднялся и дождался, когда тот подкатит, да с двумя охранниками бегом ринется вверх по лестнице – лифта когда еще дождешься...

– Здравствуйте, Валерий Михалыч, – вежливо поздоровался Паша.

Валерий Михайлович не ответил и даже не посмотрел на вежливого молодого человека. Он дышал, как бегемот, в хорошем темпе пересекающий знойную пустыню Сахару – так и инфаркт запросто схлопотать можно. Взять у него дома было что – двенадцать тысяч баксов, «брюлики» и с полкило «ржавья» жены. И главное, никаких сумок с вещами выносить не надо. На сумки соседи в первую очередь реагируют. Паша так не работает. Он не любит, когда его пытаются за руку схватить.

Чуть отставшие охранники вежливое приветствие слышали и приняли, должно быть, Пашу за хорошего знакомого шефа, поэтому тоже не остановились. Не посмотрели даже в его сторону.

Так и сегодня. Чего, казалось бы, проще – вызвать лифт и проехать мимо того мента. Но натура, как пива с похмелья, просила разговора, который оставил бы на душе приятный осадок. И разговорчик был – единственное, что порадовало и утешило после нового «дела». И все обошлось, как обходилось всегда.

Всегда – это с тех пор, как Паша вернулся после первой и последней своей «ходки». Посадили его по той же «сто сорок четвертой». Вместе с двумя более опытными «домушниками». Но в зоне ему повезло. Подвернулся солидный «спец» по фамилии Собакин. Вор-рецидивист. Но у других солидных воров – клички, а у этого – только фамилия, хотя и весьма колоритная. И все его исключительно по фамилии знают. Собакину неунывающий паренек понравился еще в блоке. И потому он проявил инициативу: кому-то шепнул, что-то пообещал, и в итоге Пашу направили работать в слесарную мастерскую – под присмотр к самому Собакину. Слово солидного человека в зоне всегда ценится больше, чем на свободе – президентский указ.

Инициатива опытного уголовника имела под собой созидательные корни. Собакин по возрасту был уже близок к пенсионному, а потому с делами по окончании срока решил завязать. Но своим умением он гордился. И хотел подготовить себе достойную смену. Чтобы не пропали напрасно его с великим трудом обретенные знания.

– В «мужиках» ходить будешь или в «пацаны» пойдешь? – это был первый и очень важный вопрос.

«Мужики» на зоне пашут и за себя, и за других. И мечтают по «откидке» вернуться под крылышко к жене. Больше в зону им не хочется, насытились. Их за это не сильно обижают.

«Пацаны» на воров еще не тянут, но к последним тянутся. И видят свое будущее в определенном свете – стать блатным.

Пашин ответ вора удовлетворил.

– Времена, Пашок, настали тухлые. Посмотри, сколько сейчас по «сто сорок четвертой» ходит... И нет ни одного спеца. Кто замок откроет? Даже простой, квартирный, я о сейфе уже не говорю... Все норвят ломиком, по-быдловски. А замок, как женщина – не «маруха», интеллигентное обращение любит. Только я чисто работал. Для меня ни замков, ни сигнализаций не существует. Сами менты, помню, как-то приглашали помочь – ключ от сейфа их начальник потерял. Хочешь – научу?

– Хочу, – Паша ответил без раздумий. Он о такой удаче только в детских снах мечтал.

– Тогда сразу запомни первый урок. Работать всегда следует одному. Большинство засыпается, когда группой ходят. А одиночке всегда легче уйти. Разве что, когда вещички сбывать начнешь – залетишь...

С тех пор Паша долго не «залетал». Погорел он опять на сбыте, как и предупреждал Собакин. Но его просто «сдали». Попался с полным карманом золота и бриллиантов скупщик. Купился, падла, на ментовские обещания... И в итоге Паша оказался в розыске.

Ворчливой курицей закудаhtал сотовый телефон. Лангар достал трубку из кожаного чехла на поясе.

– Так, слушаю. Понятно... Все. Спасибо. Он сейчас у меня. Хорошо. Присылайте.

И повернулся к Гальцеву.

– Это, Пашок, был не мент, потому и не узнал тебя. Записывай домашний адрес и телефон... – Лангар продиктовал. – Частный сыщик из сысского агентства «Аргус». Толстов Сергей Иванович. Может быть, и мент, но бывший. Или комитетчик. В частных сыщиках они в основном и ходят. Так что все равно будь осторожнее. Вторая машина была из горотдела. Это он их зачем-то на твою голову вызвал. А ты, милый друг, постарайся так больше не рисковать... Сейчас заказчики за тобой машину пришлют, они хотят узнать, что там и как было. Съезди к ним, расскажи. Только на рожон не лезь. Люди серьезные и деньгами ворочают большими.

– Ладно. Только кажется мне, что ты прямо на них меня наводишь... – Паша сам чуть натянуто улыбнулся собственной шутке, но про себя здраво и профессионально отметил, что в каждой шутке есть доля истины.

Лангар за двадцать процентов постоянно выдавал для Паши наводки на квартиры знакомых – далеко не бедных людей. Предварительно он знакомился с ними, навещал дома по какому-то не терпящему отлагательств делу, сообщал все, вплоть до системы сигнализации и времени, когда квартира бывает свободна и, следовательно, беззащитна. Лангар считается солидным бизнесменом, даже с «прошлым», что придает ему дополнительный вес. Кто его заподозрит? И такой бизнес приносил хорошие барыши.

Паша аккуратно с ним рассчитывался. В правильности расчета Лангар не сомневался. Во-первых, потому, что мог проверить. Знакомые жаловались, на сколько их обокрали. Кстати, некоторые значительно превышали суммы, чтобы самим выглядеть побогаче, но Лангар верил больше Паше, чем им. А во-вторых, Паша был слишком ценным человеком в команде Лангара. Он один приносил больше прибыли, чем множество других помощников. И даже если бы квартирный вор слегка и «крысятничал» – обманывал компаньона, тот не слишком бы обиделся, понимая, что лучше меньше, но постоянно, чем больше, но один раз.

Но сейчас Лангар настаивал.

– Я серьезно говорю: это – политика. А политика – дело сильно грязное... Это тебе на любой зоне скажут. Лучше не связываться... А что ты, кстати, с этим сыщиком делать думаешь?

Паша поднял брови.

– Ничего не думаю делать. Он что, за шиворот мне нагадил? Пусть своими делами занимается, а я – своими. Если доведется схлестнуться, тогда уж пусть на себя пеняет.

– Тогда зачем тебе его адресок?

– Я же думал – это мент... Хотел поговорить при случае. А что мне «частник»? В этом куражу нет. Но в квартиру и к нему можно заглянуть... Из чистого любопытства. Может, у него водка в холодильнике хорошая?

– Ладно.

Лангар согласно кивнул. Он хорошо знал, что с Пашей Гальцевым в рукопашной лучше не сходить. Тот не просто был когда-то хорошим каратистом, не в этом дело – он по характеру проигрывать не умеет.

3

Когда бьют в лоб, следует выбирать одно из двух – либо уворачиваться, либо надеяться на крепость самого лба. Я ударил – то бишь, спросил. И после моего лобового вопроса об отношении к Александре Чанышевой мой клиент Гоша Осоченко сильно смутился и выбрал первый вариант – поспешил ретироваться вместе со своим рыжим котенком, скомкав таким образом мой план допроса заказчика и свидетеля в одном лице, но подтвердив одновременно и мои подозрения. Вернее, не подозрения, а понимание ситуации. Так будут точнее сформулированы наши взаимоотношения.

И тем не менее он дал мне новую версию убийства. Уже ни для кого не секрет, что выборы в любую Думу, а уж тем более в Думу государственную, обрастают таким количеством грязи и преступлений, что остается только удивляться. Само использование в предвыборной кампании хакера говорит о том, что кандидат искал, мягко говоря, нетрадиционные пути к депутатскому мандату. И на этом пути могло что-то произойти.

Во-первых, самый очевидный вариант – Валентин Чанышев в дебрях компьютерных сетей забрался туда, куда допуск был нежелателен. Кто-то, дорожа своей репутацией, этого сильно не желал. Носителя информации убрали, даже не зная, что он на кого-то работает. А может быть, потому и убрали, что знали – на кого.

Во-вторых, Чанышев выполнил заказ. Но что-то дало возможность заподозрить его в нечестной игре. Чтобы «сохранить лицо», заказчик и убрал Валентина.

В-третьих, информацию хакер может получить разную. В том числе и такую, которая позволяет ему шантажировать кого-то, даже заказчика. Шантаж бывает делом прибыльным. Но только тогда, когда самого шантажиста вычислить не могут. А если могут, то его положение зачастую становится похожим на поездку на буфере трамвая по стиральной доске – риск неоправданный. И здесь вывод весьма даже очевиден.

По крайней мере, еще десяток вариантов набрать можно, если постараться. И любой из них ставит под угрозу жизнь Чанышева. В этом случае возрастает вероятность невиновности объекта моего внимания – Саньки Чанышевой. Я не знаток поведения наркоманов, но мне кажется, что должно было бы что-то в голове у нее остаться после убийства. Хоть отдельные эпизоды она должна помнить... Существуют и методы разбудить воспоминания. Специальные. Но это целиком зависит от желания клиента. Если он сам согласится. Потому что в противном случае эти показания не являются уликами в суде. Делается это так: человека могут по его просьбе ввести в состояние гипнотического транса, в котором сведения вытаскиваются путем виртуального повторения ситуации. Достают воспоминания прямо из подсознания.

Виртуального?.. Это что-то, кажется, еще и из компьютерного мира... Вот и я заговорил языком, близким языку Осоченко. Теперь он меня понял бы.

Стоп!

Еще один существенный вопрос, который умный прокурор не преминет задать. Я в своих размышлениях отталкиваюсь от того, что в памяти Александры Чанышевой должно нечто остаться. Но ведь и преступник обязан подумать точно так же? Однако в таком случае он бы просто убрал свидетеля. Или убийца рассчитывал основательно подставить Саньку? Ситуация возникает, скажем так, «магазинная». Как на весах – что тяжелее? То есть что важнее? Попытаться свалить убийство мужа на жену? Или не оставить свидетеля? В этом случае все зависит от интеллекта.

Конечно, я имею, кажется, основания думать, что не совсем дурак. Да, преступник может оказаться глупее. Он может не просчитать варианты, как просчитываю их я. Но опираться при создании версии на заведомо предвзятое мнение об умственных способностях оппонента – это уже само по себе глупо.

Вопрос следующий. Убийца уже побывал в квартире. Но потом посылает туда квартирного вора. Зачем? Он же мог взять необходимое сразу? Или это не убийца послал Гальцева? Или убийца был низкого интеллектуального уровня и не сумел найти, что требовалось? Тогда и пошел в работу домушник. А у этого домушника, интересно, какой интеллектуальный уровень?

Что я уперся в этот самый интеллект? Может возникнуть множество различных вариантов. Хотя мне по-прежнему кажется, что убийство связано с компьютером.

Он в комнате Чанышева стоял на видном месте. Но как-то неровно стоял, с развинченным, сдвинутым, но не снятым до конца кожухом. И монитор – в стороне. Корпус такого компьютера, насколько я знаю, называется «деск-топ», то есть горизонтальный, плоский. На такой корпус, как правило, ставят монитор. Очевидное удобство в работе. Если бы корпус был «мини-тауэр» – вертикальный, то монитор был бы расположен рядом. Это естественно.

Есть вариант, что Валентин Чанышев занимался вечером накануне убийства ремонтом электронного приятеля. И для этого он снимал кожух. Но часто ли ремонтируют компьютеры? И насколько велика вероятность ремонта именно в тот день?

Надо полагать, обыск на квартире уже закончен. И есть какие-то результаты. Неплохо было бы знать их и выложить свою версию майору Лоскуткову. Однако у него – серьезный допрос. Для него, конечно, операция по поимке Лешего сейчас – на первом месте, потому что все начальство ждет результата и трясет бедного опера за воротник ежечасно. Дела о серийных убийствах всегда находятся под контролем Генеральной прокуратуры.

4

– Раздевайся... – приказал Лоскутков.

– Что? – не понял возмущенный задержанный.

Непонятливый какой – едри его в корень! – попался. И как только матери таких рожают? Не по-английски же с ним разговаривать. Но возмущение и непонятливость – это пройденный этап, привычный. Поначалу они все такие. И все вопросы дурацкие любят задавать. Это потом уже привыкают. А если хорошо «подучить», то в рот будут заглядывать, чтобы очередное слово не пропустить.

– Раздевайся. Тебя осмотрит врач. Не переживай, «опускать» тебя здесь никто не собирается.

– Прямо здесь будет осматривать?

– Не повезу же я тебя в больницу.

– А что за осмотр? Зачем? Вообще, что вам от меня надо? – Он наконец-то проявил естественное непонимание ситуации, как и положено проявить это каждому. Или ему ситуацию уже объяснили по дороге сюда?

– Здесь вопросы задаю я, – Лоскутков посмотрел задержанному прямо в глаза, хорошо зная, что его рысиный злобный взгляд не каждый способен выдержать.

– Вы для начала заполнили бы протокол. Фамилия-имя-отчество и прочее...

– После осмотра это может и не понадобиться.

– За кого вы меня принимаете?

– Здесь я задаю вопросы. Раздевайся.

Пришел дежурный фельдшер. В белом халате он вполне может и за врача сойти. А кто проведет осмотр – это сути дела не меняет. Всего и надо-то – осмотреть человека на предмет присутствия характерных царапин.

Задержанный стал раздеваться.

– Совсем или как? – спросил он.

– До трусов, – холодно ответил на вопрос фельдшер. – Полного стриптиза нам не надо, – и он все так же серьезно изобразил смех.

Царапины нашлись. На груди. И очень даже похожие царапины. Две рядом. Такими они и должны быть, если женщина интуитивно пытается защититься от насильника. Не длинными, но глубокими.

– Что и требовалось доказать, – сказал Лоскутков. – Можешь одеваться.

И придвинул к себе бланк протокола допроса.

Вошел молодой, уверенный в себе и слегка ехидный эксперт, положил на стол перед майором лист бумаги. Специально, чтобы не говорить при подозреваемом. Лоскутков такой порядок ввел после случая, подобного нынешнему, когда задержанный сообразил, что против него есть улики, и взбесился – втроем еле успокоили.

«На ноже в месте соединения лезвия и рукоятки обнаружены остатки крови. Поеду в лабораторию».

Майор прочитал и кивнул.

– Позвони оттуда. Сообщи результат.

– Ты до завтра здесь сидеть будешь? – спросил эксперт. – Тогда я как раз успею...

Шутник. Лоскутков стрельнул в него глазами так, что бедняга вздрогнул и вышел. Молодые его взгляд особенно тяжело выносят.

– Одейся? Садись. Говорить будем. Вот теперь и протокол заполним. Ты, похоже, знаешь, с чего начинать... Давай знакомиться. Я – старший оперуполномоченный городского уголовного розыска майор Лоскутков.

– Я – следователь областного управления Федеральной службы безопасности капитан Панкратов.

Лоскутков даже не поморщился. Только зашевелились за спиной у капитана помощники опера.

– Документы есть?

– С собой – только права.

– Расскажи нам, капитан, что тебе в городском бору понадобилось?

– А почему, майор, я не могу в городском бору погулять? Там же не запретная зона? Колючей проволокой территория не окружена. Так что...

– Да. Зона не запретная. Там зона поиска маньяка. Ты что, не знаешь, следователь, что сейчас операция проводится?

Капитан обрадованно хлопнул себя по лбу:

– Лешего ловите? Вот насчет операции я как раз и не знаю. Последние дни отпуска догуливаю. А в бор пошел... Я в свободное время балуюсь... Из корней фигурки всякие вырезаю. Вот и пошел корни подходящие поискать. Уже и места знаю, где сушняк сваливают. Около кучи сушняка, когда я там копался, меня и задержали. Вопрос исчерпан?

– Не полностью. Происхождение царапин?

– Брату помогал дачу достраивать. Доски на второй этаж поднимали. Вот и оцарапался. Еще на прошлой неделе.

– Следы крови на ноже?

– Крови? – искренне изумился капитан. – Понятия не имею. Кровь... А... Вспомнил. Может быть... У меня мать в Полетаеве живет. В прошлом месяце я ей борова колот этим ножом. Но вроде бы вымыл его после этого. Не должно было остаться. Но больше неоткуда...

– Плохо вымыл, значит. Короче говоря, дело обстоит так. Отпустить я тебя пока не могу. Сам понимаешь. Посиди до завтра в камере, пока эксперты с этой кровью не разберутся. И с твоей – тоже. Сейчас фельдшер у тебя возьмет кровь на анализ.

– Может, позвонишь в контору? Там тебе объяснят, что я не пропаду, если отпустишь.

– Я и так позвоню. А если честно говорить, то я вообще не понимаю, почему следователь ФСБ не может по совместительству и Лешим быть? Ты, капитан, улавливаешь мою мысль?

– Улавливаю. Я бы, наверное, точно так же действовал, если бы тебя задержал. Но ты не забудь, позвони...

Панкратов поднялся. На физиономию человек страшный, но Лоскуткову показался чем-то симпатичным.

Глава пятая

1

– Привет, майор.

Лоскутков сам позвонил мне. А я-то грешным делом подумал, что он все кулаки уже отбил, выпрашивая признание у Лешего.

– Как успехи? Поймал «нечистую силу»?

– А-а... За один день четверых задержали. И все с ножами. Сейчас, похоже, в лес никто без ножа не ходит. Первого я сам допросил, остальных без меня допрашивают.

– И что твой первый?

– Следователь ФСБ он – капитан Панкратов. Но и царапины на груди есть, и следы крови на ноже. Сейчас нож на экспертизу отправили. И взяли у него самого кровь на ДНК. А пока пусть у нас тут отдохнет.

– А что он в бору делал?

– Говорит, резьбой по дереву занимается. Ищет красивые корни и ветки и что-то из них творит. Наши ребята к нему домой ездили. Он сам предложил, без ордера. И матери позвонил, чтобы пустила и показала. Полный дом этих корней. Много навыврезал.

– Молодец. Но и ты тоже – рискованный мужик. Как в «конторе» на арест их сотрудника отреагировали? Ты им сообщил уже?

– Это не арест, а задержание. Привыкай к правильным формулировкам. Чуть не сожрали меня по телефону в твоей «конторе».

– Она такая же моя, как и твоя. Твоя даже в большей степени, потому что у меня в годы службы в ГРУ не было причин их любить. Но характеристику хоть они дали?

– Отличный офицер. Вот и все. Добьешься чего-то у них... Они мне раньше на меня самого досье посмотреть предложат, а потом уж на своего.

– Позвони Асафьеву. Поинтересуйся.

– Позвони ты. Ты же его лучше знаешь. А у тебя самого как? Что-то появилось?

– Есть у меня интересные новости. Даже не новости, а мысли, предположения. Только очень хотелось бы с Александрой Чанышевой поговорить. Для подтверждения версии. Ты не планируешь такую беседу?

– Планирую. Через сорок минут ее ко мне доставят. Потому тебе и звоню. Подъедешь?

– Обязательно.

– Только перед этим позвони другу. Не забудь.

Я позвонил.

– Майора Асафьева, пожалуйста.

– Слушаю, господин экс-майор.

– Долго жить будешь. Голос твой я не узнал. У меня к тебе вопрос. Ты задействован в операции по поимке Лешего?

– А кто в ней не задействован?..

– Правильно. Даже я задействован. А вопрос у меня к тебе конфиденциальный. Есть у вас такой следователь – капитан Панкратов?

– Есть. Только что-то последние недели его не вижу. Наверное, в отпуске.

– Что ты о нем можешь сказать?

– А почему тебя интересует наш следователь?

– Панкратова задержал майор Лоскутков.

– Молодец твой рысоглазый... По какому поводу задержал? Чтобы взять нашего следователя, надо иметь серьезные обоснования.

– Панкратов попал в облаву там, в городском бору. При нем был нож со следами старой крови. И пресловутые царапины. Сейчас его в КПЗ держат, до результатов экспертизы. Так что он за человек?

– Трудно сказать. Замкнутый он очень. Общается мало с кем. Про личную его жизнь... Единственное, что я помню по разговорам, – несколько лет назад он с женой развелся. Все, как в анекдоте. Возвращается из командировки, в постели жена с чужим мужиком. Он избил обоих до такой степени, что они в больницу попали. Тогда с трудом это дело удалось замять. Так что по психологической характеристике он весьма даже подходит на роль Лешего. Но пусть Лоскутков будет осторожнее. Наш генерал, возможно, не захочет честь мундира пачкать...

– Понятно, спасибо. Я так нашему менту и передам. На прощание еще один вопрос, если это не составляет государственной тайны. Я знаю, что у вас нет такого строгого разделения труда, как в космических бюро. Но все же есть определенные направления. Какими вопросами занимался капитан Панкратов?

– Вообще-то это знать посторонним не положено, но для пользы следствия я могу тебе сказать – статьи 272, 273, 274 Уголовного кодекса. Но в этих делах он царь и бог. Знает дело до тонкостей. Редкий специалист. Ты меня понимаешь?

– Нет.

– Спросишь у Лоскуткова. Пока. Я и так слишком разболтался по телефону.

– Пока.

Я посмотрел на машину под окном. Моросил дождь, но не смывал, к сожалению, грязь, которую я насобиравал на дороге. Безнадежно глянул на книжную полку, ожидая, что случится чудо. Чуда, к сожалению, не произошло. А сам я «Уголовный кодекс» себе так и не завел, хотя постоянно собираюсь это сделать. Поэтому по дороге к выходу пришлось заглянуть в приемную.

– Светочка, светоч ты наш ученый, – обратился я к секретарше, – будь любезна, подскажи мне, что значат статьи 272, 273 и 274 УК?

Светочка заочно учится в юридическом техникуме и мечтает стать очень популярным частным нотариусом. В юридический институт она поступать не стала по вполне прозаической причине. Она слышала, что частные нотариусы зарабатывают несравненно больше, чем частные сыщики, которые, в свою очередь, зарабатывают несколько больше ментов. Сам же томик «Уголовного кодекса» всегда лежал у нее на столе для таких неучей, как я или наш шеф – бывший ментовский подполковник Лева Иванов.

– Преступления, связанные с компьютерами, – без запинки выдала мне Светочка. – Еще вопросы есть? А то мне надо срочно одно дело сделать.

Я от восторга даже присвистнул и, как собака, взяв след, понесся к выходу. И под дождем – к машине. На улице дождь оказался сильнее, чем это можно было предположить, глядя на него из окна. Но это было больше понятно прохожим, которые топали по улице пешком. Я же быстро нырнул в тачку, включил «дворники», дал им прочистить мокрое стекло и после этого торопливо вырулил на дорогу. Очень мне не терпелось посмотреть на майора Лоскуткова, когда я буду задавать Саньке Чанышевой вопросы, суть которых мент понимать не будет, но будет из-за этого зверем злиться и стрелять глазами – как из танка бронебойными снарядами. По дороге я остановился у магазина и купил коробку сахара. В подарок Лоскуткову. Может, хоть чай у него есть свой?

Перед тем, как сесть в машину, оглянулся и сразу заметил старенькую «Хонду». Она дважды попадалась мне в зеркало заднего вида...

2

На окнах кабинета плотно сдвинуты вертикальные металлические жалюзи и, в дополнение ко всему, задернуты шторы из плотной ткани. Такие жалюзи защищают окна от прослушивания с помощью лазерного звукозаписывающего прибора. Так правильно называется прибор, который в просторечии зовут дистанционным лазерным микрофоном. Каждое оконное стекло – это мембрана, точно такая же, как мембрана микрофона. И точно так же стекло колеблется. Только снять звук с такой грубой мембраны по силам исключительно чуткому лазерному лучу. Металлические жалюзи звуковые колебания глушат, и при прослушивании разговор сводится к шипению недовольных друг другом кошек.

И тем не менее Хозяинов предпочитает вести особо важные беседы в маленькой комнате отдыха за стеной. Там вообще не существует никаких окон. На жалюзи не надеется, поскольку существует такое множество прослушивающих устройств, что каждое не знает даже спецы. А он и себя к таким не относил, и не слишком надеялся на того отставного майора, которого содержал у себя в охране, бывшего комитетчика.

Александр Матвеевич привычно приветлив с пришедшими, говорит мягко и с улыбкой. Вообще он всегда умеет произвести впечатление человека добродушного, чуть ли не ласкового – лицо такое. И лишь хорошо знающие его, плотно с ним работающие люди могут – если не побоятся – многое рассказать о том, что он в действительности из себя представляет.

Сегодня пришедших трое. Он сам их вызвал.

– Пить что-нибудь будете? – спросил Хозяинов и откинул дверцу бара, блеснув при этом крупным бриллиантом в перстне из белого золота.

Комната отдыха – узкая и длинная. Здесь только и помещаются два кресла по одну стену, диван – по другую, а сбоку от них – бар. Опускаешь дверцу, и она заменяет собой стол. Очень удобно в такой тесноте. В противоположном конце комнаты – телевизор с видеомagneтофоном и музыкальный центр. Хозяинов вытянул руку с пультом и нажал клавишу. Спокойная музыка заполнила помещение. Музыка – еще один вид маскировки на случай прослушивания.

– Минералку, если можно, – первый говорит очень осторожно и сидит на самом краешке дивана, стесняясь расположиться поудобнее. Заметно, что он достаточно хорошо чувствует дистанцию и не стремится ее нарушить.

– Я бы пивка, – это другой, с лицом слегка помятым и не очень умным.

– А я, Александр Матвеевич, предпочитаю коньяк, – третий из гостей, человек лет пятидесяти, солидно и со вкусом одетый, чувствует себя здесь более привычно. – Ты знаешь какой... – и он довольно потер ладони.

Последняя фраза специально произнесена, чтобы показать перед остальными свои отношения с Хозяиновым. Чуть ли не дружеские, чуть ли не равные.

– Я тебе другой предложу. Оцени. На мой вкус – этот куда как лучше.

Самого Хозяинова явно не смущает то, что ему приходится выполнять роль официанта. Кстати, Александр Матвеевич в молодости официантом и работал, пока не стал со временем директором ресторана. Он протянул первому бутылку с минеральной водой «Боржоми», услужливо и с улыбкой открыл ее, второму дал жестянку с пивом, третьему налил коньяк и даже сам понюхал его, закрыв от удовольствия глаза и что-то одобрительное промывав на вдохе.

– Хороший марочный грузинский коньяк по вкусу ничуть французским не уступает, а уж букет побогаче будет. Рекомендую.

– Попробуем...

– Теперь, Вениамин Вениаминович, я слушаю. Что там произошло? – На лице – все та же приветливая улыбка, а в голосе появились мелкие чешуйки льда. У того, кто наблюдает это

впервые, под кожей мурашки начинают бегать. – Мне вообще-то не сильно нравится, когда нелепые случайности нарушают движение набравшей обороты кампании. Я с трудом верю, что это – именно случайности.

Гость, который пожелал попробовать грузинский коньяк, сделал маленький глоток, поднял на Хозяинова глаза и стал отчитываться за всех.

– В общих чертах, дело обстоит так...

– А если не в общих чертах? Если – с анализом?

– А если не в общих, то мне пока еще трудно делать категоричные выводы. Слишком мало данных.

– Хорошо. Давай в общих...

– Утром в ментовку пришла его жена. Сказала, что застрелила мужа. Перед этим она укололась какой-то синтетической гадостью. Хорошую наркоту он ей не покупал.

– Зачем он вообще ее пичкал этой гадостью? – Хозяинов не понимал и не принимал такого поведения в семейных отношениях. Сам он наркотой никогда не баловался, хотя местные торговцы ею хорошо платили ему за «крышу».

– Я его теми же почти словами спрашивал, – сказал Вениамин Вениаминович. – Началось у нее с подруг... Они, стервы, пристражили. Валентин пытался ее от этого дела отучить, но их разве отучишь... Она стала его просто шантажировать. Слишком много знала. Правда, знала только о работе без налогов. Но если налоговая бы не вовремя влезла в его дела, то пришлось бы многим туго. Вот потому он вынужден был уступить. Выходить на улицу он ей почти не давал, разве что – в сопровождении. А так – покупал кое-что, чтобы дома сидела и не рыпалась.

– Вот и допокупался!

– Да... – значительно сказал тот, что пил пиво.

Гость с бутылкой минеральной воды молчал.

– Ладно. Дальше слушаю.

– Она сейчас в СИЗО. Следствие уже решило однозначно – виновна. У нее – явка с повинной. Казалось бы, все чисто. Но вот есть маленькая странность. Сама она ничего не помнит. Только пришла в себя утром, в руках у нее – пистолет, на полу – мертвый муж. Потому и решила, что это она сделала. Там есть маленькая деталь. Признание обвиняемого не является доказательством вины. А других улик у них нет. Только косвенные. Но косвенные улики судом могут рассматриваться в комплексе. И выносятся приговор на их основании.

– Откуда такие данные?

– Прямо из ментовки. У меня там есть свои люди.

– Дальше.

– Дальше начинается самое интересное. Конечно, я послал к ней своего адвоката, чтобы выудить подробности. Они еще не встречались, но сейчас он оформляет все документы. Сегодня, думаю, уже начнет работу с клиенткой. Я ему «порошка» немного дал, чтобы разговорчивости ей добавить. Слабенький, но для нее и он – спасение.

– А если адвокат попадет с «порошком»?

– Не попадется. Опытный человек. Не в первый раз это делает. Но дожидаться адвоката я не стал. Мало ли какие штуки могут у Валентина быть записаны на компьютере. Нашел вот Андрея, – Вениамин Вениаминович кивнул в сторону любителя минеральной воды, – и поехал посмотреть сам.

– Квартира разве не опечатана?

– Опечатана. Но любопытство... Сам понимаешь... Чтобы двери не ломать, взял в компанию Славу, – теперь кивок в сторону любителя пива. – Подъезжаем к подъезду, останавливаемся, чтобы осмотреться. Выйти еще не успели. А у Славы – глаз наметанный. Он балкон по номеру квартиры вычислил за секунды. И показал. Кто-то с пятого этажа на шестой по пожар-

ной межбалконной лестнице быстро перебирается. Мы остались ждать у подъезда. Посмотреть, кто такой...

– Почему туда не пошли?

– Человек уже побывал в квартире. Зашел он, надо думать, через дверь. Вышел через другую квартиру. Значит, у двери его кто-то ждал. Что-то там должно было произойти. К тому же мы обратили внимание на «БМВ». Рядом с нами стоял. Там два парня тоже внимательно наверх смотрели. Обсуждали. Слава парней узнал. Из блатных. Тогда решили, что эта троица вместе.

– Они вас видели?

– Мы же были за тонированным стеклом... Вот. Подумали мы так – так и оказалось. Через пару минут «верхолаз» вышел и сразу подошел к «БМВ». Что-то сказал водиле, и пошел в другую сторону от дороги. У меня с собой видеокамера была, я его заснял на всякий случай. Кстати, Слава и его узнал. Это Паша Гальцев, квартирный вор-виртуоз. Он сейчас с Лангаром дела имеет.

– При чем здесь Лангар? Ему-то с его прошлым в политике ничего не светит...

– Он и не лезет, насколько я знаю. Просто этот парень, вероятно, узнал, что квартира пустует. И забрался. По наводке Лангара.

– А если не просто забрался? А если он знал, что там искать? А если его именно данные с компьютера и интересовали?

– Все может быть. Потому мы его уже ищем. Только вся сложность в том, что он во всероссийском розыске. Но у меня есть свои мысли по этому поводу.

– Почему сразу проследить его не попробовали?

– На виду у тех, из «БМВ»?

– Они не уехали?

– В том-то и дело. Мы тоже стали ждать. Что-то должно было произойти. А еще через десять минут приехали менты. За ними – еще одна бригада. Они копались в квартире. Вероятно, Паша Гальцев как-то засветился, потому и пожаловали. Когда менты выходили, мы и их засняли. Позже вышел еще один человек. Он не с ними приехал. Раньше. Сел в старую «жучку». Она здесь же, рядом с «БМВ» стояла. Когда мы прибыли, уже там была. Мне показалось, что это – не мент. Я потом проверил по номеру машины. Оказалось, что и правда – не мент. Ментовские номера обязательно проходят по закрытой картотеке. У меня туда доступ был только через Валентина. Но домашний адрес его я вычислил. Завтра хочу пустить за ним «хвост» и узнать, что ему там было надо.

– Это все?

– Нет. Вторая ментовская бригада, что позже подъехала, надолго в квартире застряла. А потом привезли под охраной и жену Валентина. Очевидно, хотели проверить сохранность вещей после визита Гальцева.

– Хорошо. Твои дальнейшие действия?

– Дальше действовать будут Андрей со Славой. Сегодня ночью, чтобы никто не помешал. Слава откроет дверь, Андрей проверит компьютер. К тому времени, надеюсь, у меня будут данные от адвоката. Утром проверят человека из старой «жучки» – что ему там понадобилось? И тогда я уже буду в состоянии сделать выводы. Думаю, что сразу после обеда смогу все выложить. Если будут данные раньше, то и доложу раньше.

Хозяинов молчал пару минут. Наконец, встал.

– Ладно. Завтра я вас жду. Расходы предвидятся?

– Вероятно... – уклончиво ответил Вениамин Вениаминович. – Они, сам же знаешь, возникают всегда неожиданно. Когда денег под рукой нет.

Хозяин достал из кармана бумажник и отсчитал пять сто долларовых банкнот.

– Смотри сам, как распорядиться. И так, до завтра...

Гости вышли. И только после этого Хозяинов налил себе большую рюмку коньяка и выпил залпом, словно водку. Потом нахмурился, чего не позволял себе при посторонних, и устало вытянул ноги.

3

– Рассказывай, что там у тебя нового? – встретил меня Лоскутков.

Я небрежно развалился на стуле у стены. Не люблю стулья перед столом. На них возникает ощущение допрашиваемого.

– Самое новое, новее не бывает – по дороге к тебе я обнаружил за собой «хвост», – содержательная пауза, чтобы дать ему осмыслить высказанное мной. – Неумело ведут, дилетанты. Серая старенькая «Хонда» с правым рулем. Такие в нынешние времена только киностудии скупают, чтобы аварии снимать. Дай лист бумаги...

Лоскутков – всегда аккуратный, на столе у него ничего лишнего не бывает – достал из стола чистый лист, и я написал номер «Хонды».

– Отнеси компьютерщикам, пусть проверят.

– Командир... – сказал майор чуть ли не презрительно.

Относить он не стал, а просто набрал телефонный номер и запросил данные на владельца машины.

– Кстати, и по утреннему запросу тоже принесите. Мне просто некогда еще было зайти, – добавил, вспомнив.

– Как думаешь, откуда мог появиться «хвост»? – поинтересовался я у профессионала.

– Я не знаю все твои дела. Тебе легче сообразить.

– Недавно у меня вообще не было никаких дел. Без работы сидел. Предположить могу только одно – после посещения квартиры Чанышева кому-то сильно не понравилась моя «фотокарточка». «Хвост», похоже, приклеился ко мне около «Аргуса». Оперативно они сработали. И вычислили, и последить не забыли...

– Кто «они»?

– Те, кто за нами у подъезда Чанышева наблюдал.

– Из тех двух машин? Мысли есть?

– Или с «мерса», или с «БМВ». Выбор невелик.

– Ты не сильно пугаешься? – майор позволил себе даже изобразить гримасу, отчего его худая физиономия вытянулась и стало похоже, что он на горячий чай с сахаром дует.

– Если бы испугался, то уже взял бы их в оборот и тебе в сыро-сине-тухло-копченном виде на серебряном подносе доставил. Только что это даст? Морды им набить и без задержания можно. Потому я и решил их «не заметить». Ведь какие-то действия они так и так предпримут? Тогда можно будет и реагировать.

– Рисковый ты парень!

Вот мент злобный, всем недоволен.

– Сам дурак! – не остался я в долгу и достал из портфеля пачку сахара. – Чай бы хоть поставил.

– Володя! – крикнул Лоскутков через дверь в соседнюю комнату. – Поставь нам с майором чайку. А через пять минут, – повернувшись ко мне, он посмотрел на часы, – привезут подозреваемую в убийстве. Может быть, ты за это время что-то пожелаешь мне рассказать? Поделиться опытом и информацией...

Каюсь, знаю за собой грех – меня чаем не пои, дай поиздеваться над Лоскутковым.

– Я бы рассказал, но это может оказаться не так в действительности, как я думал. Сначала саму Саньку Чанышеву спрошу, а потом ты все сам, надеюсь, поймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.